

На правах рукописи

БАДМАЕВА Лариса Батоевна

**ЯЗЫК БУРЯТСКИХ ЛЕТОПИСНЫХ ТЕКСТОВ XIX-нач. XX вв.:
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

специальность 10.02.22 – языки народов
зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки
и Австралии (монгольские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

005019501

19 АПР 2012

Улан-Удэ
2012

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Шагдаров Лубсан Доржиевич

Официальные оппоненты: **Пюрбеев Григорий Церенович**
доктор филологических наук, профессор,
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт языкознания
Российской академии наук,
главный научный сотрудник
Рассадин Валентин Иванович
доктор филологических наук, профессор,
Научный центр монголоведных и
алтаистических исследований ФГБОУ ВПО
«Калмыцкий государственный университет»
директор
Дашинимаева Полина Пурбуевна
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный
университет»,
декан восточного факультета

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет»

Защита состоится 03 мая 2012 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 003.027.02 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

Автореферат разослан « 01 » апреля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна

Актуальность темы исследования. Летопись – один из своеобразных и оригинальных жанров письменного наследия бурятского народа. Комплексное изучение языка бурятских летописных текстов не было предметом специального монографического исследования, но данная проблема чрезвычайно важна для полного представления о бурятской летописи как органичной части письменной культуры бурят. Изменения, происходящие в монголоведении в последние десятилетия, обусловленные стремлением понять место монгольской словесности в мировом литературном процессе, требуют рассмотрения особенностей становления и развития отдельных форм и жанров, их роли в формировании письменной традиции монголов.

История письменности и книжной культуры монгоязычных народов, в том числе бурят, имеет многовековые традиции. В ходе исторического развития письменной культуры монгольских народов были выработаны разнообразные жанры литературы на старописьменном монгольском языке. Старописьменный монгольский язык был общемонгольским письменным языком и являлся средством культурного общения всех монгольских племен. Среди памятников этой письменности летописи занимают исключительно важное место. Они, являясь наиболее крупными светскими произведениями, представляют собой не только ценные источники исторической и культурологической информации, но и важнейшее национальное достояние бурят. С литературно-художественной точки зрения, в летописях отразились не только историко-летописный жанр, но и другие письменные и устные, повествовательные и фольклорные жанры старописьменного монгольского языка.

Старописьменный монгольский язык выступал для монгольских языков в качестве своеобразной средневековой латыни, вобравшей в себя основные черты единого монгольского языка древности. Единство территориального и культурного ареала расселения монгольских народов и племен дает основание предполагать, что монгольская письменность получила распространение среди северных монгольских племен, в том числе бурят, ещё в раннем средневековье. В БЭС «Языкознание» указано, что монгольские языки являются результатом развития диалектов некогда единого (до XVI–XVII вв.) монгольского языка, которые делятся на основные (собственно монгольский, бурятский, калмыцкий языки) и маргинальные: монгольский (в Афганистане), дагурский (в Северо-Восточном Китае), монгорский, дунсянский, баоаньский и шира-югурский (в кит. провинциях Ганьсу и Цинхай); для основных монгольских языков с XIII в. до начала XX в. (для калмыцкого – до середины XVII в.) употреблялся единый старописьменный монгольский язык, которым продолжают пользоваться во Внутренней Монголии КНР [БЭС 1998, с. 306]. Китайскими монголоведами открыт и описан еще один ранее неизвестный монгольский язык *кандзя* (kagġia) [Siqinchaoketu 1999].

Собственно бурятские сочинения на старомонгольской письменности стали появляться в XVIII в. в связи с консолидацией бурят в самостоятельную народность. Бурятские летописи, созданные в XVIII-XIX вв., содержат богатый, уникальный лингвистический материал. На современном этапе лингвистическое источниковедение представляется одним из самых перспективных направлений монголоведения, поскольку дошедшие до нашего времени письменные памятники и их разностороннее изучение дают ценные сведения для разработки вопросов истории формирования языка, его исторической диалектологии, а также истории этноса.

Принятый в 1992 г. «Закон о языках народов Республики Бурятия» предписывает не только широкое практическое изучение современного бурятского языка, но и развертывание исследований по истории его развития, в том числе и письменных памятников на старомонгольском языке. Этим определяется актуальность данной работы.

Объект исследования – бурятские летописные тексты XIX-нач. XX вв.

Предмет исследования – языковые особенности и средства текстовой организации летописных текстов хоринских, баргузинских, селенгинских и шэнэжэнских бурят на старомонгольской письменности; статус языка бурятских исторических хроник как идиома.

Цель настоящей работы – выявление лексических, морфологических и синтаксических особенностей языка бурятских летописных текстов с позиций выделения языковых элементов, организующих летописный текст.

Исходя из заявленной цели, в работе ставится ряд взаимообусловленных задач:

- доказать, что основной речевой единицей летописей является текст – объединенная смысловой связью последовательность языковых единиц, основным свойством которой являются связность и цельность;
- установить, что связность и цельность летописного текста обеспечиваются средствами языковой системы всех уровней: лексического, морфологического и синтаксического;
- на основе типологического анализа летописного текста выделить ведущие типы речи: описание, повествование и рассуждение;
- выявить идентичность летописного текста;
- обосновать положение о том, что в летописных текстах реализуется повествование не о вымышленных, а реальных людях и событиях; выявить особенности перевода бурятских летописей на русский и современный бурятский язык с позиции лингвистики текста.

Методологической основой диссертационного исследования послужили работы в области лингвистики текста Н.Д. Арупоновой, Г.Д. Ахметовой, Р. Барта, Н.С. Валгиной, И.Р. Гальперина, С.И. Гиндина, Ю.А. Левицкого, Б.А. Масло-

ва, О.И. Москальской, О.А. Нечаевой, Т.М. Николаевой, Н.А. Николиной, Е.А. Реферовской, И.П. Севбо, Г.Я. Солганика, А.А. Чувакина, В.М. Хамагановой и др., изучающие особенности структуры текста, его грамматические категории, их взаимодействие, а также труды по монгольским языкам А. Бобровникова, Б.Я. Владимирцова, Г.Д. Санжеева, Т.А. Бертагаева, Н.Н. Поппе, Д.А. Алексеева, Д.Д. Амоглонова, Ц.Б. Цыдендамбаева, И.Д. Бураева, Л.В. Шулуновой, Ц.Ц. Цыдыпова, А.А. Дарбеевой, Б.Х. Тодаевой, А.Г. Митрошкиной, Г.Ц. Пюрбеева, Д.Д. Доржиева, Л.Д. Шагдарова, В.И. Рассадина, М.Н. Орловской, Б. Пүрэв-Очира, Д.А. Сусеевой, Е.К. Скрибник, С.М. Трофимовой, А.Д. Цендиной, Н.С. Яхонтовой, Д.Д. Санжиной, Г.А. Дырхеевой, В.М. Егодуровой, Е.О. Хундаевой и др.

Методы исследования основываются на общих принципах современных лингвистических исследований (прежде всего интегральность и эксплицитность описания, сочетание функционально-семантического, структурного, когнитивного подходов). Ведущими явились методы описательно-аналитический, который применялся при непосредственном наблюдении над лексиконом летописей, сопоставительно-типологический – при выявлении общего и особенного в языке сопоставляемых текстов летописей, сравнительно-исторический – при сравнении старописьменных примеров с современными аналогами, а также методы этнолингвистического историко-этимологического анализа.

Степень изученности темы. В настоящее время все более утверждается мысль, что текст является основной формой человеческого общения. На первом этапе своего развития, в 60-х гг. XX в. лингвистика текста изучала этот феномен в основном как объект синтаксиса. В последних исследованиях коммуникативной лингвистики основной единицей не только речи, но и языка признается текст. Текст синтезирует языковые и речевые единицы всех уровней, объединяет в себе языковые сущности и речевые свойства. Он – одновременно единица языка и произведение речи. Языковые единицы, обслуживающие те или иные уровни языка, в процессе коммуникации, участвуя в построении текста, приобретают новые свойства, функции и становятся элементами текста, или же они выражаются по-другому. Например, в старомонгольском языке понятие «столица» выражалось словами *neyisiel, töb qota*, а в бурятских летописях оно обозначается составным словом *eĵen-ü qota* (букв.) ‘город хозяина’.

В языкознании текст – последовательность словесных знаков. Долгое время предложение оставалось самой крупной единицей лингвистического анализа. В то же время было замечено, что имеется много случаев, когда предложение не выражает законченную мысль.

В 60-х гг. XX в. лингвистика текста уделяла преимущественное внимание связности и целостности, правильности построения вербального текста, его понятности, распределению темы и ремы высказывания в со-

ответствии с требованиями актуального членения предложения. Успешному развитию этих исследований способствовали ранние работы А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, В. Матезиуса, Ш. Балли и др., посвященные правилам выбора и актуализации языковых единиц при переходе от языка к речи. В дальнейших работах изучаются сам текст и его структура, категории и составляющие, а также способы построения текста, его художественно-изобразительные средства. Одной из первых работ была статья Н.С. Пospelова [1948]. Затем появились работы И.А. Фигуровского, Г.Я. Солганика, В.А. Кухаренко, Л.М. Лосевой и др. Особенно много работ по проблемам текста было издано в 70-х – 90-х гг. прошлого века. В результате исследований, проведенных в последние десятилетия, выделились три самостоятельные научные дисциплины: общая теория текста (И.Р. Гальперин и др.), грамматика текста (О.И. Москальская и др.), стилистика текста (И.Р. Арнольд, В.В. Одинцов и др.).

В лингвистике текста выработаны следующие основные принципы его анализа: принцип историзма (учет эпохи, в которую написано произведение), принцип уровневого подхода к анализу текста (т. е. морфологических, лексико-фразеологических, синтаксических и стилистических особенностей текста); принцип учета общезыкового, общежанрового в тексте и индивидуального и т. д.

В бурятоведении, да и в монголоведении в целом проблема изучения текста является новой, совершенно неразработанной темой.

Материалом для исследования послужили опубликованные Н.Н. Поппе, А.И. Востриковым, В.А. Казакевичем летописи Т. Тобоева (1863), В. Юмсунова (1875), Ш.-Н. Хобитуева (1887), Д.-Ж. Ломбоцэрнова (1868), Ц.-Ж. Сахарова (1887). Привлечены «Qori buryiad-un quriyanguyi teüke» – ‘Анонимная хоринская летопись’ (1903), а также «Buriyad-mongyul-un tobči teüke» – ‘Краткая история бурят-монголов’, написанная Бодонгут Абидой (1983).

Научная новизна диссертации состоит в том, что в бурятоведении впервые на монографическом уровне предпринято лингвистическое исследование языка летописных текстов бурят с позиции лингвистики текста. В диссертации предлагаются новые теоретические принципы исследования и описания особенностей бурятских летописных текстов, разработана новая научная идея о текстовой организации старомонгольских текстов. В результате исследования выявлены лексические и морфологические особенности летописных памятников; определена основная синтаксическая единица текстов летописей, введен новый термин «сложный синтаксический комплекс» (ССК) – полипредикативная конструкция с финитным сказуемым. В диссертации впервые введены в научный оборот

языковые материалы летописных текстов «Qori buriyad-un quriyangyui teüke» – ‘Анонимная хоринская летопись’, Бодонгут Абида «Buriyad-mongyul-un tobči teüke» – ‘Краткая история бурят-монголов’; впервые изучены и описаны модели ССК старомонгольского текста; раскрыты функции причастий и деепричастий с аффиксами личного и субъектного притяжания в качестве когезивных средств, которые связывают между собой инфинитивные единицы внутри ССК и представляют собой уникальные языковые средства когезии в старописьменных текстах бурят, шире – в текстах монгольских языков.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что изучение текста и его единиц имеет большое теоретическое значение в монголоведении для дальнейших исследований старописьменных монгольских текстов. Результаты исследования вносят существенный вклад в расширение представлений об уровне письменной культуры бурят эпохи XVIII-XIX вв., о сложении традиций бурятского летописания, о периодизации функционирования бурятского извода старописьменного монгольского языка (XVII-нач. XX вв.). Значимость исследования текстовой организации старописьменных памятников возрастает в связи с необходимостью разработки современного дискурса. Системный анализ морфологических, лексических, синтаксических особенностей письменных памятников значительно расширяет представление о формировании бурятского литературного языка и его истоках. Полученные результаты могут послужить основой для определения общих закономерностей развития морфологии, лексикологии и синтаксиса монгольских языков. Работа вносит определенный вклад в разработку проблем лингвистики текста на материале монгольских языков.

Практическая значимость работы определяется целесообразностью использования результатов исследования при изучении старомонгольских текстов (приемы транслитерации, перевода трудных слов и выражений, связанных текстов); при изучении истории бурятского литературного языка, составлении исторической грамматики, лексикологии монгольских языков, а также при подготовке учебных пособий по старописьменному монгольскому языку, антологий по истории бурятской литературы XVIII-XIX вв., истории книги Бурятии и разработке спецкурсов по лингвистике текста. Выработанные теоретические положения могут найти применение в теории и практике преподавания современного бурятского языка, что очень актуально на современном этапе в связи с включением бурятского языка в «Красную книгу языков, находящихся под угрозой исчезновения: северо-восточная Азия»¹.

¹ См.: Juha Janhunen. Endangered Languages: Northeast Asia: report // UNESCO Red Book on Endangered Languages. P. 25-30.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Летописи – тексты традиционной культуры бурят, являющиеся важнейшим национальным достоянием этноса. Текст – это языковая система, отражающая внешнюю объективацию субъективного мира. Адекватное понимание субъективного мира возможно только через интерпретацию текста. Летописные тексты выступают как носители культурной традиции бурят.

2. Языковой фонд бурятских летописей отражает общемонгольский старописьменный монгольский язык, в котором выделяются лексико-семантические, грамматические особенности, обусловленные влиянием бурятского народно-разговорного и русского языков. Термины, относящиеся к институту управления, титулатура, используемые в бурятских летописях, отличаются от монгольских летописей. Своеобразием бурятских летописей является наличие большого пласта русских заимствований. Вместе с тем языковые и речевые особенности бурятских летописей, под воздействием народно-разговорного языка, не дают оснований для утверждения о наличии самостоятельного старописьменного бурятского языка, ибо в рассматриваемых источниках система старописьменного монгольского языка не претерпела коренных изменений.

3. В бурятских летописях представлены все морфологические категории, имеющиеся в классическом монгольском языке. Кроме формантов множественного числа старописьменного монгольского языка, в них представлен ряд дополнительных показателей: *-lid*, *-mad*, *-siyul*, свидетельствующий о заметном сдвиге в употреблении показателей множественности в сторону разговорного бурятского языка.

4. Характерной особенностью синтаксиса бурятских летописей является наличие длинных конструкций, больших, чем сложное предложение. Синтаксические конструкции бурятских летописей близки к СФЕ или ССЦ. Эти конструкции состоят не из самостоятельных законченных предложений, а из зависимых предикативных единиц с одним финитным сказуемым, которое придает им формальную завершенность.

5. Единицей текста бурятских летописей является сложный синтаксический комплекс (ССК) с монофинитным синтаксическим механизмом построения, представляющий тематическое, смысловое и грамматическое единство тесно связанных между собой нескольких предложений летописного текста.

6. Языковой фон бурятских летописных текстов представляет собой промежуточный письменный вариант между классическим монгольским письменным языком и разговорной формой бурятского языка. Статус данного извода вслед за С. А. Крыловым [2004, с. 277] определяется как бурятский извод старописьменного монгольского языка, который охватывал период с XVII-нач. XX вв.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании отдела языкознания ФГБУН Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Основные выводы и результаты диссертационного исследования отражены в монографиях «Язык бурятских летописей» (Улан-Удэ, 2005, 12,6 п.л.), «Летопись Вандана Юмсунова – памятник письменной культуры бурят XIX в.» (Улан-Удэ, 2007, 23 п.л.), «Языковое пространство бурятского летописного текста» (Улан-Удэ, 2012, 17,2 п.л.), а также ряде научных статей по проблеме диссертационного исследования. Апробация представлена публикациями общим объемом 103,35 п.л. Из них 12 статей общим объемом 6,3 п.л. опубликованы в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Минобразования и науки РФ.

Материалы исследования использованы при разработке спецкурсов «Старописьменный монгольский язык», «Памятники книжной культуры монгольских народов» для студентов библиотечного факультета ВСГАКИ, а также спецкурса «Текст: единицы и категории» для студентов филологического факультета Бурятского государственного университета.

Отдельные вопросы изучения языка бурятских летописей обсуждались на конференциях разного уровня: международном симпозиуме по монголоведным исследованиям (Хухэ-Хото, 2004), международном конгрессе востоковедов (Москва, 2004), международном симпозиуме “International Symposium on Mongolian-Chinese Bilingual Studies & Teaching Symposium Guide” (Пекин, 2005), III международной научной конференции “Язык и культура” (Москва, 2005), IX международном конгрессе монголоведов (Улан-Батор, 2006), международной научной конференции “Историческая лингвистика. Алтаистика. Тюркология” (Москва, 2009), II международной научной конференции “Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты” (Чита, 2009), международной научной конференции “Языки и письменные источники монгольских народов”, проведенной в рамках Конвента монголов мира (Улан-Удэ, 2010), международной конференции “The International Conference on Cultural Diversity of Nomads” (Улан-Батор, 2011), X международном конгрессе монголоведов (Улан-Батор, 2011) и получили отражение в опубликованных научных статьях, список которых прилагается.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографии.

Основное содержание работы

Во Введении обосновывается актуальность темы, характеризуется степень ее изученности, формулируются цели и задачи исследования, излагаются методологические основы диссертации и ее теоретическая и практическая значимость.

В главе I «Бурятские летописи и их авторы, исследователи и публикаторы» представлена характеристика основных бурятских летописей, даны сведения об их авторах, первых исследователях и публикаторах.

1.1. Общая характеристика бурятских летописей. Известно, что монгольская письменная культура берет начало в XIII в. с «Сокровенного сказания монголов» (1240). В дальнейшем традиции фиксирования исторических событий породили обширную летописную литературу. Бурятские летописи не похожи на европейские или русские летописи, даже на собственно монгольские. Бурятские авторы излагают наиболее важные события, хронологически происходившие в жизни тех или иных родов и племен. В отличие от монгольских летописей, для которых больше характерны повествовательные модели фольклора и генеалогический принцип построения текста [Цендина 2004], в бурятских текстах содержится большое количество этнографических, хозяйственных, религиозных сведений.

В настоящее время выявлено около 40 больших и малых летописей, 21 хроника опубликована на современном бурятском языке, 14 летописей переведено на русский язык, на английский – 1 хроника, на старописьменном монгольском языке опубликовано 10 летописей.

В истории изучения данных памятников следует выделить следующие периоды: 1) довоенный (1935-1940), когда учеными Института востоковедения АН СССР Н.Н. Поппе, В.А. Казакевичем, А.И. Востриковым была осуществлена публикация текстов бурятских хроник на старомонгольской письменности, переводов некоторых из них на русский язык с комментариями; 2) послевоенный (1945-1955), когда на материале опубликованных текстов и переводов бурятских летописей были осуществлены исследования Т.А. Бурдуковой (1945), Д.Д. Доржиева (1955); 3) период 2 пол. XX в. характеризуется выходом в свет фундаментального труда Ц.Б. Цыдендамбаева «Бурятские исторические хроники и родословные» (1972), 4) постсоветский период ознаменован исследованиями и публикациями летописных памятников Д.Д. Доржиева (1992), Л.Б. Бадмаевой (1993), публикациями летописей на современном литературном бурятском языке Ш.Б. Чимитдоржиевым (1992, 1998), Г.Н. Очировой (2001), переизданием переводов летописей на русский язык составителями Ш.Б. Чимитдоржиевым, Ц.П. Ванчиковой, М.В. Аюшеевой (1995, 2011).

1.2. Хоринские летописи. Одним из первых письменных памятников бурят является летопись Тугултура Тобоева „*Qori kiged ayuyin buriyadnar-un urida-dayan boluysan anu*” («О том, как в прошлом образовались хоринские и агинские буряты»), написанная в 1863 г. [ЛХБ 1935]. Старомонгольский текст был опубликован Н. Н. Поппе с комментариями и примечаниями в 1935 г. в первом выпуске “Летописей хоринских бурят”.

В 1940 г. он осуществил перевод летописи на русский язык. Автор летописи – тайша агинских бурят, представитель восточно-хуацайского рода (подрода *тогтор хуацай*) Тугултур Тобоев. Текст летописи не разделен на отдельные тематические части.

Труд Вандана Юмсунова „*Qori-yin arban nigen ečige-yin jon-u uy ičayur-un turuži*” (“История происхождения народа одиннадцати хоринских отцов”) был написан в 1875 г. [ЛХБ 1935]. Текст летописи на старомонгольской письменности был опубликован Н. Н. Поппе в 1935 г. в первом выпуске „Летописей хоринских бурят”. В 1940 г. он издал летопись в переводе на русский язык. В хронике Вандана Юмсунова, состоящей из 12 озаглавленных разделов, прослеживается история хори-бурят, начиная с ранних времен до второй половины XIX в. Автор – глава цаганского рода, *шуленга* Вандан Юмсунов (1823-1883). В хронике В. Юмсунова широко использованы деловые документы, ранее написанные летописные работы, устные легенды и предания бурят. Все это придало его летописи характер научного очерка.

Летопись Шираб-Нимбу Хобитуева „*Ros-un gürtün-ü Jëgün sibiiri-yin do-tura ayči buriyad kemekü yasutan jon-u terigün yaruyсан ба tegün dotura-ača qori-yin 11 ečige-yin buriyad jon-u tegüke egüni siirabningbuva qobitu-yin eblegülen bičigsen bölüge*” (“История происхождения бурят 11 хоринских родов, входящих в состав бурятской народности Восточной Сибири Российского государства”) написана в 1887 г. [ЛХБ-2 1935]. Автор текста – помощник главного тайши, зайсан галзутского рода хори-бурят Шираб-Нимбо Хобитуев. В 1935 г. хроника была опубликована на старомонгольской письменности В. А. Казакевичем во втором выпуске “Летописей хоринских бурят” без примечаний и комментариев. В отличие от текста В. Юмсунова события в нем располагаются в хронологической последовательности. Летопись Ш.-Н. Хобитуева имеет своих продолжателей. Их материалы представляют большой интерес как с точки зрения привлечения фактов, так и отражения собственных взглядов летописцев на историю своего народа.

Имеются неизвестные хроники, в личном архиве Д. З. Зандановой хранится рукопись анонимной хоринской летописи (АХЛ) „*Qori buriyad-un quriyangyui teüke*” (“Краткая история хори-бурят”), доведенной до 1903 г. Эта рукопись представляет собой список ранее неизвестной “Краткой истории хори-бурят”. История хоринских бурят изложена в пяти озаглавленных разделах. В целом структура текста анонимной хоринской летописи достаточно логична и последовательна. Повествование ведется в соответствии с историческими событиями, происходившими в жизни хоринских бурят.

1.3. Селенгинские летописи. Летопись Дамби-Жалсана (Юмдзьлька) Ломбоцэрэнова „*Selengge-yin mongyul buriyad-un darača tayiša dambi jilcan lom-*

boceren-ü jökiyaγsan mongyul buriyad-un teüke bolai» («История селенгинских монголо-бурят, написанная дарга-тайшой селенгинских монголо-бурят Дамби-Жалцаном Ломбоцэрэновым») (1868). Текст летописи издан Н.Н. Поппе в 1936 г. [ЛСБ 1936]. Хроника переложена на современный бурятский язык в 1992 г. Ш.Б. Чимитдоржиевым и опубликована в сборнике «Буярадай түүхэ бэшгүүд» (1992), затем она была переведена на русский язык в 1995 г. Б.Д. Доржиевым и Ш.Б. Чимитдоржиевым и опубликована в сборнике «Бурятские летописи» (1995, 2011).

Селенгинские летописи по языку отличаются от других бурятских летописей. Их язык стоит несколько ближе к монгольскому языку. В лексике Ломбоцэрэнова употреблены такие монголизмы: *darqan tayiša* ‘тайша’, *janja-u noyan* ‘полководец’, *kelemürči* ‘переводчик’, *jiyudaqu* ‘бежать, обращаться в бегство’, *emegerkü* ‘стареть’, *siidekü* ‘решаться, принимать решение’, *kösiglekü* в значении ‘загораживать, прикрывать’, *sibege* ‘крепость, укрепление’; архаичный послелог письменного языка *selte* ‘вместе, совокупно’ – *nöküs selte* ‘вместе с друзьями’ и др.

Летопись Д.-Ж. Ломбоцэрэнова является одним из первых источников, где отражены письменные формы заимствованных слов из русского языка в XVIII-XIX вв.: *ostoroy* < острог, *derebing* // *derebeng* // < деревня, *kinis* < князь, *minister* ‘министр’, *stüdingte* ‘студент’, *γaramata* < грамота, *qaratopil* < картофель, *parangcus* ‘француз’, *pool* ‘полк’ и др.

1.4. Баргузинские летописи. Наиболее популярными являются летописи Цыдэб-Жаба Сахарова: *“Barγuḡin-u buriyad-nar-un erete urida dalai-yin qoyin-a-ača 1740 on barγuḡin-du onderui sibsing-e-ün tūrūtei negüḡi iregsen teüke domcy bui”* («История перекочевки в Баргузин в 1740 г. баргузинских бурят с севера Байкала под предводительством Ондreja Шибшеева»), доведенная до 1880 г. [Румянцев 1956, с. 027-050], а также *“Летопись баргузинских бурят”* (1887).

Долгое время первая летопись считалась анонимной. Ж.С. Сажинов, сличив этот текст с летописью Ц.-Ж. Сахарова (1887), пришел к выводу, что эта летопись также принадлежит перу указанного автора [БЛ 1995, с. 187]. Летопись делимитирована на две части: первая часть – вводная, вторая – собственно летописная часть, где изложение дано в строго хронологическом порядке. Следует подчеркнуть, что выражение мыслей посредством длинных синтаксических конструкций, которые употреблены в хоринских летописях, в баргузинских летописях отсутствует. Это является характерной чертой летописей Ц.-Ж. Сахарова.

Отсутствие в баргузинской летописи сложных синтаксических конструкций, расчлененное выражение мысли обусловили, таким образом, разнообразие сказуемых: употребляются не только глагольные, но и именные, местоименные, наречные.

Вторая хроника “*Летопись баргузинских бурят*” была написана Ц.-Ж. Сахаровым в 1887 г. Летопись была опубликована вместе с русским переводом в 1935 г. А.И. Востриковым и Н.Н. Поппе [ЛББ]. В тексте летописи можно выделить две части: 1) представлена прошлая история баргузинских бурят; 2) хронологически последовательно изложены наиболее значительные факты и события из истории Баргузина. Содержание данной летописи перекликается с содержанием предыдущей баргузинской хроники “История перекочевки в Баргузин в 1740 году ...”. Касаясь поздней истории края, автор использует материалы предыдущей хроники и хронологически дополняет ее.

1.5. Летописи шэнэхэнских бурят. В отечественной историографии до недавнего времени было принято умалчивать факт эмиграции бурят в Китай в начале XX в., т. к. все темы, связанные с бурятской эмиграцией, попадали в разряд «запрещенных». История эмиграции агинских бурят в Китай в местность Шэнэхэн подробно освещена в книге Бодонгут Абида (1917-2006) “*Buriyad mongyul-un tobči teūke*” (‘Краткая история бурят-монголов’) [БА], изданной во Внутренней Монголии КНР в 1983 г. на старомонгольской письменности.

Как пишет Б. Абида, исход бурят в Шэнэхэн (КНР) был связан с историческими событиями, происходившими в России в начале XX в. Сочинение написано простым доступным языком, не использованы сложные синтаксические конструкции. Сложность могут представить монгольские слова, не употребительные в современном бурятском языке. В целом язык текста Б. Абида богатый, образный. Лексика текста, в основном, общемонгольская, с вкраплениями русских, китайских, тунгусо-маньчжурских элементов.

Значительным событием в истории изучения и публикации письменного наследия бурят явилось издание в 1999 г. бурятских летописей на старомонгольской письменности во Внутренней Монголии Китая [BTSB].

Язык сочинений бурятских летописцев представляет яркий образец стиля летописей и исторических текстов. Стиль бурятских летописей в целом характеризуется как реалистически-очерковый с элементами жаргонно-высокого, канцелярски-делового и фольклорного стилей. Реалистичность стиля в сочинениях бурятских авторов проявляется в том, что они объективно описывают разные аспекты жизни бурят. По мнению Л.Д. Шагдарова, реалистически-очерковый стиль бурятских летописей обусловил их рационализм. В отличие от общемонгольского памятника «Сокровенное сказание монголов» в бурятских летописях не использованы фольклорно-художественные средства, стихотворные тексты, миниатюрные рассказы и новеллы, столь характерные сказанию [1974, с. 63].

Глава II «Летописный текст и его основные характеристики» посвящена рассмотрению особенностей текстовой организации летописных памятников Бурятии на старомонгольской письменности.

Параграф 2.1. «Основные категории текста» посвящен рассмотрению основных параметров феномена «текст». Согласно распространенному определению, «текст – объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [БЭС 1998, с. 507]. Тексты в узком смысле слова или микротексты представляют собой тематические отрезки текста. Единицами текста считаются: 1) СФЕ (микротекст), 2) целое законченное произведение (макротекст).

При анализе текста лингвисты обычно имеют дело со СФЕ, которые описаны в трудах А.М. Пешковского, Н.С. Поспелова, И.А. Фигуровского, О.И. Москальской, Н.И. Серковой, И.Р. Гальперина, Т.И. Сильман, И.А. Слюсаревой, Е.А. Реферовской, Л.М. Лосевой, З.А. Тураевой, Н.А. Николиной и др. СФЕ в свою очередь состоят из двух и более цепочек предложений, структурно-смысловых блоков, объединенных общностью содержания и структуры. При изучении бурятских летописей выделена старомонгольская разновидность СФЕ, а именно – сложный синтаксический комплекс (ССК), полипредикативная конструкция с финитным сказуемым. В бурятском языкознании в качестве родового СФЕ принят термин *ууулэл* [Цыдышов 1988; Шагдаров 1986]. Предложения в составе СФЕ объединяются разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи.

Одной из важнейших характеристик СФЕ является общность темы предложений, объединенных в нем, т. е. любое СФЕ всегда монотематично. Смысловая целостность текста подкрепляется структурным объединением предложений при помощи лексико-грамматических средств. Тематическая и структурная целостность СФЕ предполагает, что каждое последующее предложение продвигает высказывание от известного к новому. Следующим признаком текста является то, что он относится к одному из функциональных стилей литературного языка (художественному, деловому, научно-популярному, публицистическому) и какому-либо функционально-смысловому типу речи – повествованию, описанию и рассуждению.

Представители Новосибирской синтаксической школы [Скрибник 1988] рассматривают категорию притяжания в единстве с категорией абсолютного и относительного (зависимого) лица. Эти показатели ими квалифицируются как аффиксы личного и субъектного притяжания. Тот факт, что значение лица у аффиксов безличного притяжания реализуется лишь при наличии субъекта действия, дало основание новосибирским монголистам использовать термин «субъектное притяжание» вместо термина «безличное притяжание» [Наделяев 1988; Скрибник 1980]. В сочетании с инфинитивными глагольными формами притяжательные частицы показывают не принадлежность, а зависимое грамматическое лицо [Скрибник 1980]. В составе СФЕ аффиксы притяжания связывают между собой не слова внутри предложения, а целые предложения в составе СФЕ. Частицы притяжания служат средством связи не только на уровне предложения, но и на уровне СФЕ и в целом текста.

Одним из обязательных признаков текста, как отмечается специалистами, является цельность текста, которая достигается благодаря единой теме и структурному единству. Тема обеспечивает смысловое единство СФЕ. А другой его обязательный признак – структурное единство – состоит в том, что все составляющие СФЕ предложения объединены вокруг обозначенной темы.

Кроме того, неотъемлемым признаком любого текста является его связность, которая выражается в связях между словами, предложениями и частями высказывания, проявляется в сцеплении отдельных членов текста между собой. В результате этого сцепления и образуется формально-смысловое единство, именуемое текстом. Между компонентами текста могут наблюдаться логико-семантические отношения: противопоставление, причина, следствие, вывод. Связь может быть эксплицитной (открыто выраженной, маркированной) и имплицитной (нев्यраженной, подразумеваемой).

Все, что сказано выше о признаках текста, в полной мере присуще и бурятским летописным текстам. Рассмотрено ССК из летописи В. Юмсунова: 4. (1). degere ögülegsen-ber börtü činu-a-yin 11-düki üy-e-yin yisügei bayatur-tur 1162 on-du öngge jisü sayıqan laysin belges tegülder nigen köbegün törügsen-i temüjin kemen neridbei:(.)¹ (2). egünü degü-ner anu: tabun köbegün nige ökin bölüge:(.) (3). ene-anu yeke bolju kümüjiki-ügen kümün-ü yabudal-ača ketürkei:(.) oyun bilig-inu qurča:(.) küčün joriy-anu yeke aysan-iyar:(.) bide qori-yin ijayur-un böged: börtü činu-a-yin-ču ijayur-un jon ber edüge bayıysan engdeki biden-ü onong mürin-ü köbege degere čiyulju qamturan kelelceged:(.) yisügei bayatur-un köbegün temüjin-i öber-ün dumda qayan kemen ergümjilen:(.) tegün-ü medel-dü degereki ayımay-un yisün qosıyın jon qamturaju köke mongyul kemen nerejiju 9 köke mongyul-un degere 1188 on-du qayan siregen-e jalaju:(.) ene anu čoytu oçir pani-yin qubilyan tngri-eče jayay-a-tai jajar-un esrua küčün-ü kürdün-i ergigülegçi temüjin cutu boyda činggis qayan kemen aldarsibai:(.)

5. (4). Tere-anu degereki 9 köke mongyul jon-ıyan daqayulan yabuju:(.) kitad töbed terigülen barayun ba: qoyitu jüg-üd-ün eris-ün 13 qayan orud-i medel-degen abuyad:(.) ner-e aldar-anu edüge tuqayilabasu:(.) edüge-yin yirtinčü-yin ajiy-a yebropu qoyar jajar-tur degürin aldarsiju: tedeger orud-tur yeke erke medel-tei boluysan ajuru:(.) [ЛХБ 1935, с. 56-57]. 4. ‘Родившегося у Исугей батура, в

¹ Цифры в скобках указывают порядковый номер предложения в составе СФЕ. Чтобы показать, насколько совпадают проставленные в старомонгольском тексте знаки препинания с тем, как принято в бурятском литературном языке, после знака в скобках дается его современный эквивалент.

11-м поколении от вышеупомянутого Бурту Чоно, в 1162 году сына, преисполненного телесных признаков и внешностью прекрасного, назвали Тэмуджином. Братьев и сестер моложе его было у него пять юношей и одна девица. Когда он подросток и возмужал, он превысил обычные поступки людские. Ум его был остер, а сила и смелость его велики. Вследствие этого народ нашего хоринского происхождения и ведущий род от Бурту Чоно созвал сборище на берегу нашего нынешнего здешнего Онона, устроил совещание и возвел Тэмуджина, сына Исугей батура, ханом в своей среде. Под его властью объединился народ девяти хошунов вышеупомянутых аймаков и стал называться «синими монголами». Он был возведен на ханский престол над девятью синими монголами в 1188 году и прославился как Тэмуджин, гениальный богдо Чингис-хан, вращающий колесо могущества земного Эсруа, небом предопределенный перерожденец лучезарного Ваджрапани.

5. Он повел за собою свой народ вышеупомянутых девяти синих монголов, подчинил своей власти Китай, Тибет и прочие тринадцать царств героев запада и севера. Слава о нем прогремела примерно повсюду в Азии и Европе нынешнего мира, и он получил большую силу и власть над теми странами' [ЛХБ 1940, с. 44].

Текст состоит из двух частей. В первой части говорится о рождении Тэмуджина, о его братьях и сестре, о его личных достоинствах, благодаря которым он был возведен ханом над объединенными им монгольскими племенами. Во второй части сказано о его внешних завоеваниях и о его всемирной славе. Структура текста состоит из одной полипредикативной конструкции, одного простого предложения, одного ССК и одного СФЕ. Первое (полипредикативное) предложение представляет собой зачин текста. В нем говорится о том, у кого родился герой и кто был его предком, какими признаками обладал герой и как его называли. Средняя часть текста представлена коротким простым предложением о его братьях и сестре и одним ССК, в котором повествуется о том, каким он стал, когда подросток и возмужал и о том, кто его возвел в ханы и каких монголов он объединил и кем он прославился. В СФЕ (4) описывается о том, кого он повел за собой и какие страны он покорил. В конечной части текста сказано о том, что Чингисхан получил большую силу и власть в покоренных странах, и слава о нем прогремела по всей Евразии.

Основная мысль текста состоит в том, что Чингисхан своими деяниями прославился как гениальный полководец. В тексте усматривается еще одна, прямо не выраженная целеустановка. Она состоит в том, что «мы, хоринский народ» участвовали в выдвигании Тэмуджина в ханы, входили в состав «синих монголов» — ядро монгольской народности того времени, участвовали во всех делах Чингисхана.

Параграф 2.2. «Летописный текст и вопросы перевода его на современный бурятский и русский язык» посвящен проблеме перевода лето-

писных памятников Бурятии на русский язык. Одной из важных проблем изучения языка летописных сочинений являются вопросы перевода текстов со старомонгольского на русский и современный бурятский языки. По данной проблеме отсутствуют какие-либо изыскания, кроме замечаний Ц.Б. Цыдендамбаева о переводах Н.Н. Поппе и Г.Н. Румянцева.

Н.Н. Поппе, безусловно, глубоко вник в тексты бурятских летописей, поэтому переводы бурятских летописей, осуществленные им, являются наиболее полными, точными, адекватными. В его переводах не допускаются пропуски и опущения, трудные места находят свое отражение в переводе. Для достижения высокого качества перевода необходимо творчески совмещать элементы частного решения проблем перевода на уровне слов и словосочетаний и целого (перевода всей мысли на уровне предложения, сверхфразового единства, всего текста в целом).

В главе III «Лексические особенности бурятских текстов» рассматриваются лексические особенности бурятских летописных текстов. В бурятских летописях рассматриваются одни и те же вопросы, поэтому при их освещении в летописях использована идентичная лексика. В связи с этим лексика рассматривается по идеографическому принципу, т. е. по тематическим группам. Тема «История, традиционная культура и быт бурят XVII-XIX вв.», объединяющая тексты бурятских летописей в единое информационное полотно, делимитирована на ряд последовательно изложенных подтем и субподтем.

В подтеме «Об управлении забайкальских бурят» представлены термины, обозначающие должности в старой административной системе бурят. Выявлены термины управления и делопроизводства, которые велись на старомонгольской письменности в бурятских конторах: *bičig-ün üyiledberi* 'письменное делопроизводство', *qori-yin buriyad-nar-un alban-u kereg* 'казенные дела хоринских бурят'. Органы управления бурят обозначались в основном русскими составными терминами: *yasašanui iiŋba* 'ясашная изба', *ŋimske süd* 'земский суд', *mürsqui ger* 'мирская изба', *inorodnui upraba* 'иностранная управа', *stipnui düm-e* 'степная дума' и др. Даны названия должностных лиц, обслуживающих степные думы и управы: *bičigeči* 'писарь', *dinsig* 'денщик', *qaraŋulčün* 'караульный', *trapiŋini* 'трапезник'.

В подтеме «Титулатура» представлены названия различных должностей, чинов, титулов, которые также передавались в основном заимствованными составными терминами; иногда в них основное слово являлось заимствованием из восточных языков, чаще маньчжурским, а атрибутивная часть – русским словом: *galavnui tayiša* 'главный тайша', *tituliirnui sobiitniŋ* 'титулярный советник', *sibiiri-yin ese ŋysaŋaydaysan qasay čereg-üd-ün yesa-a-uvl* 'есаул сибирского нерегулярного казачьего войска', *stipnoi düme-yin ŋasidatil* 'заседатель степной думы', *glavnui tayiša-giin pomošniŋ qangdidat tayiša* 'кандидат в тайши, помощник главного тайши'.

В подтеме «Об образе жизни» представлены следующие терминологические пласты: 1) Названия, связанные с животноводством и полеводством: *mal-un qoyol* ‘корм для скота’, *ebüsiü* ‘сено’, *urtayın posqotın* ‘длинные поскотины’, *tüküriyeng qayamal qoriy-a* ‘круглые ограды’, *buiuca qoriy-a* ‘стойбище’, *usun-u subay* ‘оросительный канал’, *tariyan-u iyiledberi* ‘земледелие’, *γaranca-yın talq-a* ‘гарнцевый хлеб, приберегаемый на случаи засухи и неурожая’ и др.;

2) Названия орудий труда, промыслов, их частей: *gülmi* ‘сеть из волос конского хвоста для ловли рыб’, *ǰangyu* ‘ловушка, капкан для ловли птиц’, *bökütür qaǰıyur* ‘горбуша’, *morin-u tonıy* ‘конская упряжь’, *γoul* ‘ось’, *sar-un köömegçi* ‘воловоье ярмо’, *buq-a terge* ‘арба (телега)’ и др.;

3) Названия домашней утвари: *modun qangǰa* ‘деревянные ящики и сундуки’, *ıutu* ‘ута – род мешка’, *tuqur tulam* ‘кожаный’, *boγca* ‘богцо – дорожная сума’, *teke modun* ‘пазы’ и др.;

4) названия различных кушаний, блюд, продуктов питания: *süü* ‘молоко’, *ört-e* ‘молочные пенки’, *ayırul* ‘сырки из творога’, *tömiüsü* ‘корнеплоды’, *miq-a* ‘мясо’, *ǰıyasud* ‘рыба’, *sibayın* ‘дичь’;

5) названия видов жилья, построек и их частей: *içigei ger* ‘юрта’, *ǰemobiy-e* ‘зимовье’, *ros bayisin ger* ‘дом русского образца’, *darııca* ‘драница’, *modun ger* ‘деревянная летняя юрта’, *poviit* ‘поветь’, *sarai* ‘сарай’; *nayıman qana-tu ger* ‘восьмистенная юрта’.

6) названия игр, охоты, развлечений, их принадлежностей: *sayaday* ‘колчан’, *nomın* ‘лук’, *somın* ‘стрела’, *aba qayıday* ‘большая облава’ [АХЖ, с. 4], *modun, yasın, ebür burın-nud* ‘деревянные, костяные и роговые свистунки стрел’, *bai sur, tıngküü* ‘мишени для стрельбы из лука (бай, сур, тунху)’.

В подтеме «О повинностях» отражено выполнение разных повинностей: *qayın orın-u tusa-dur slıǰıba kikiü* ‘нести службу на благо империи’, *alba ergikiü* ‘вносить ясак’, *alba tatari-ban tölükü* ‘пласть дань’, *qayıcin egeǰıye-ben sakiqu* ‘соблюдать свои старые казенные наряды’, *ködüge ǰam-ud-un qaryui-yi ǰasalcaqu* ‘чинить проселочные дороги’, *sayuri örtüge bayılyaqu* ‘содержать постоянные уртоны (почтовые станции)’, *qaryui-nud-un ǰasabari kikiü* ‘чинить дороги’ и др.;

В подтеме «О здравоохранении» указаны термины, относящиеся к медицине и врачеванию: *em nom* ‘учение врачевания’, *nörüge taqul* ‘эпидемия оспы’, *yasın-dur bertelge bolqu* ‘перелом костей’, *bariyasi* ‘костоправ’, *dom* ‘заговор от болезни’, *budıy-a* ‘оспа’, *eldeb ning keǰig taqul-nud* ‘различные заразные болезни’, *içirgene* ‘сыпи’, *abural-tu üker çeçeg* ‘предохранительные прививки коровьей оспы’, *budıy-a taqul* ‘эпидемия оспы’, *nörüge üker çeçeg-iın tarıly-a* ‘оспопрививание’, *abural-tu üker çeçeg-üd-iın üsinig* ‘оспопрививательные ученики’, *emçi blam-a-nar* ‘ламы-лекари’ и др.

Бурятскими летописцами употреблены устойчивые словосочетания, при-
сущие разговорной стилистике бурятского языка, особенно активно использованы
разговорные клише в языке более поздней летописи (АХЛ 1903): *kül aldán*
yabırsan < *kül alduqu* ‘терять почву под ногами; суетиться, метаться; отсту-
паться, сбиваться с ноги’, (бур.) *хүл алдаха* id.; *ayiqubtar nayadatai cenggelig*
ekener ‘весьма игривая, жизнерадостная’, ср. (бур.) *айхабтаp* ‘1. страшный,
ужасный; 2. страшно, крайне, очень, весьма’; *qasilan-ügei bolju* ‘не подвергаясь
притеснению’, в современном бурятском языке данное выражение несколько
расширило свое значение – *хаилангуй* ‘беззаботный, беспечный; непринуж-
денный; не стесняясь, не обращая внимания ни на что’ и др.

3.2. Шаманистическая терминология. Обзорение шаманистической
лексики летописных текстов показывает, что бурятские летописные тексты
содержат в себе фактический материал по обрядовой стороне шаманизма (*eke*
čayan činar ‘мать-белый шанар’, *burqan yarbul-un činar* ‘шанар родовой преем-
ственности’, *qamniyan yarbul-un činar* ‘шанар хамниганского рода’ и др.), по
божествам шаманского пантеона (*kihāng ulayan tngri* ‘гений, охраняющий ду-
ши живых существ’, *köke mangqan tngri* ‘податель счастья людям’, *odon*
ǰayayan tngri ‘хранитель всех живых существ’ и др., представляя названия уже
исчезнувших реалий и понятий, таких как *daxtai* ‘кусок бересты, сложенный
треугольником, в который кладут масло и сметану’, *dalabči/ǰiber* ‘наплечни-
ки/крылья (ткань с пришитыми изображениями змей и звериными шкурками,
нашитая вокруг воротника шубы)’, *činar* ‘обряд посвящения в шаманы’, *iltasu*
‘человеческая фигурка из меди или железа, олицетворяющая тело онгона’,
amıtai ‘шаманские атрибуты’, *mayiqabči* ‘ритуальный головной убор шамана’,
yisünggüd ‘помощники шамана – расторопные люди в количестве от 3 до 9’ и
др. В.И. Рассадин отмечает, что ключевые термины шаманизма (*iduyan* < др.-
тюрк. *ıduq* ‘священный’, *böge* < др.-тюрк. *bögü* ‘мудрец’ и др.) имеют тюрк-
ское происхождение и свидетельствуют о древних контактах тюркского и
монгольского этносов в области ранних верований¹.

Параграф 3.3. Буддийская лексика посвящен распространению буд-
дийской религии сначала в Монголии, затем и в Бурятии.

В данную тематическую группу входит буддийская лексика, понятная
мирянину: *öglige-yin eǰin* ‘милостынедатель’, *erdeni-yin ergül-nüd* ‘драгоцен-
ные подношения’, *takil-un edlel* ‘богослужебная утварь’, *bey-e ǰarlıǰ sedkil-ün*
sitügen ‘реликвии тела, речи и духа’, *olan adistid-tai sakiyusan* ‘талисман с
множеством благословений’, *γurban erdeni* ‘три драгоценности’, *boşuy ǰarlıǰ*

¹ Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общно-
сти. Ч. 1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. – Элиста: Изд-во Калм.
ун-та, 2007. – С. 65.

‘предсказание высокого духовного лица’ и др. Приведены названия санов и ученых степеней лам, буддийских школ, функционировавших в Бурятии, например: *šoyiru-yin suryuli* ‘чойри – факультет изучения религии и буддийской философии’. Вместе с тем специальных буддийских терминов, относящихся к обрядам и ритуалам буддийской конфессии, к буддийской философии употреблено мало. В связи с тем, что буддизм у бурят является привнесенной извне религиозной системой, большая часть терминологии заимствована из тибетского языка и санскрита. В настоящее время буддийская лексика вновь приобретает актуальность в связи с возрождением буддийской религии среди бурят и калмыков.

3.4. Русские заимствования в языке бурятских летописей. Факт вхождения народов Сибири в состав Российского государства имел важное историческое значение для бурят не только в социальном и культурном плане, но и в языковом отношении. В связи с проникновением элементов русской материальной и духовной культуры в язык бурят вливается огромное количество заимствованной лексики из русского языка. В текстах бурятских летописей наблюдается большой пласт русских заимствований. Так, в текстах бурят отражены заимствования из русской деловой лексики XIX в., например: *prikodska suryuli* ‘приходская школа’, *voyevod* ‘воевода’, *podpisca* ‘подписка’, *obsistau-a* ‘общество’, *čिनobnй* ‘чиновник’, *yalabnui tayiša-a* ‘главный тайша’, *qompeled* ‘комплект’, *yepiskob* ‘епископ’, *misionir* ‘миссионер’, *Ĵasidatil* ‘заседатель’ и др. Органы управления бурят также обозначались русскими составными терминами: *yasašanui ijĵba* ‘ясачная изба’, *mirsqui ger* ‘мирская изба’, *stipnui düm-ne* ‘стенная дума’, *Ĵemske süd* ‘земский суд’ и др. Русизмы используются в качестве синонимов: *qomud* // *bojolы-a* ‘хомут’, *duĵa* // *murui* ‘дуга’, *sirsidillnй* // *bög-türge ĵiloy-a* ‘чересседельник’, *qayan* // *ca-a-ri* ‘царь’, *yourud* // *got-a* ‘город’ и др.

В летописных текстах бурят письменные формы русских заимствований в основном точно транскрибируются: *adyutant* ‘адъютант’, *polqobnй* ‘полковник’, *fabriy* ‘фабрика’, *povinosti* ‘повинности’, *napoleon* ‘Наполеон’, *general gübirmatur* ‘генерал-губернатор’, *psiniica* ‘пшеница’, *priĵovor* ‘приговор’ и т. д., а лексические единицы, проникшие через разговорный язык и прошедшие фонетическую адаптацию, фиксируются в бурятском произношении, например: *qangtor* ‘контора’, *patiira* ‘квартира’, *piidisednй* ‘пятидесятник’, *üsiniĵ* ‘ученик’ и т. д. Отмечено, что наличие русских заимствований является одной из главных лексических особенностей бурятских летописей.

Параграф 3.5. Элементы фольклорных жанров в бурятских летописях посвящен рассмотрению фольклорных элементов в текстах. В бурятских летописных текстах наблюдаются не только проявления стихии разговорной речи (*qaril qaltaril-ügei* ‘неотступные и непоколебимые’ (о войске), но и вкрапления фольклорных жанров (бурятские народные песни о мифической прародине

бурят “Наян набаа”, героическом предводителе хори-бурят Шилдэй-занги); образные выражения из шаманской мифологии (*barayun urida jüg-tü časuta čayan ayula nituy-tai: čayan arsulan külge-tei: čayan möngyün tuluyur-tai: čay-i čayan ebügen* ‘живущий на юго-западе, на белой снежной горе, едущий на белом льве, имеющий белый серебряный посох, Вечный Белый старец’); элементы из шаманских призываний (*qung sibayun yarbul manu: qusun modun čerge manu: budan qatun eke manu: alung yuva egeči manu: oyiqon kilmen nituy manu*: ‘Лебедь – наш предок, береза – наша коновязь, Будан-хатун – наша мать, Алун-гуа – наша сестра, Ольхон, Хилмэн – наша родина’). Вместе с тем следует отметить, что подобных примеров в летописных текстах немного, т.к. они относятся к описательно-повествовательному типу речи, а им присущ реалистически-очерковый стиль. Все это свидетельствует о том, что в бурятских летописных текстах сконцентрирована историческая память народа.

В параграфе 3.6. **Ономастический материал** рассмотрены топонимы (гидронимы, оронимы, ойконимы) и антропонимы, представленные в летописных текстах. В диссертации даны общее обозрение топонимов, их структурная характеристика. Анализ лексической структуры топонимов показал языковую неоднородность имен собственных. Этимология названий указывает на языковое взаимодействие в области топонимии, явившееся следствием контактов бурят с тюркскими, тунгусо-маньчжурскими племенами, например: *köliüng nayur* < тюрк. *kölün* ‘плавни, водоем’, бур. *Хүлэн нуур* будет означать ‘неглубокое озеро, поросшее камышом’; *ongyostui* ‘рч., мест. Онгостой’ < эвенк. *онггаса* ‘сосняк’ + -тай > *онггасатай* ‘местность, где растет сосновый лес’ и др.

В исследовании проведен семантический и структурный анализ антропонимов. Ценность антропонимического материала бурятских летописных текстов состоит в том, что он содержит имена реальных личностей, фигурировавших в истории бурят. По языковой принадлежности в именнике выявлены три пласта: исконно бурятский (*boltiray* ‘глиняный горшок’, *tübtür* ‘крышка котла в виде полушария’, *šono* ‘волк’ и др.), тибетско-санскритский (*ayvang püngsüg, badma cereng, siirab ningbuu* и др.), славянский (*pavil dorjĭ jĭb-un* ‘Павел Доржижабон’, *miqayila bataqu-yin* ‘Михаил Батахунин’, *yumĭab ivang-un* ‘Юмжаб Ивано’ и др.).

Многие апеллятивы личных имен со значением названий растений (*badan* ‘*бom.* бадан’, *ĭandan* ‘сандал’), птиц (*tura-a-ki* ‘эвенк. грач’), животных (*tuyal* ‘теленок’, *uначан* ‘жеребенок’, *šono* ‘волк’), домашней утвари (*boltiray* ‘глиняный горшок’, *tübtür* ‘крышка котла в виде полушария’), качественные слова со значением признака человека (*qosiyui* ‘без чувства юмора’, *tübüüsü* ‘белесый, перен. вялый, хворый’, *borongsiu* ‘сероватый’), «могут быть универсальными для всех языков» [Митрошкина 1987].

В целом языковой фон бурятских летописных текстов отражает общемонгольский словарный фонд. Вместе с тем титулатура, термины, относящиеся к институту управления, отличаются от монгольских.

Глава IV «Морфологические особенности бурятских летописей» посвящена исследованию морфологических особенностей бурятских летописных текстов XIX-нач. XX вв. на старомонгольской письменности. Все летописные и генеалогические сочинения забайкальских бурят по своему языку идентичны. Основные правила письма, грамматические категории и лексика являются общими для исторических сочинений всех регионов Бурятии. Ц.Б. Цыдендамбаев, сравнивая язык исторических сочинений бурят с классическим монгольским языком, с одной стороны, и с разговорным бурятским и халха-монгольским языками, с другой, делает вывод, что бурятские летописцы в основном придерживались грамматических канонов классического монгольского языка и допускали лишь некоторые отступления от них под влиянием разговорных бурятского и монгольского языков. Мало обнаруживается отклонений от классического монгольского языка в употреблении частиц притяжания, глагольных форм и синтаксических конструкций, но довольно много «бурятских» своеобразий наблюдается в составе и употреблении показателей множественности, падежных показателей, словообразовательных моделей и служебных слов.

Д.Д. Доржиев в своих исследованиях отмечает, что традиционная старобурятская письменность сделала «довольно резкие сдвиги в сторону сближения разговорной и письменной форм языка и в области морфологического строя языка старомонгольской письменности бурят» [1992]. По его мнению, влияние разговорного бурятского языка наиболее сильно ощущается в документах делового характера, в литературных памятниках. Вместе с тем он признает, что в исторических хрониках, особенно в религиозных сочинениях, это влияние не такое сильное¹. Представляется, что по-своему прав каждый из авторов. Отклонения от норм классического монгольского письменного языка встречаются не только в памятниках бурятского летописания, но и в монгольских летописях, например, в монгольской летописи XVIII в. «Алтан тобчи» Мэргэн гэгэна.

4.1. Именные формы. Поскольку по морфологическим формам исследователями высказаны разные суждения, в диссертации выявлены особенности употребления показателей множественности. В других формах не наблюдается такое количество отступлений от правил старомонгольского языка.

4.1.1. Форма множественности. Относительно существования категории числа в монгольских языках существуют разные суждения. По мнению Г.Д. Санжеева, М.Н. Орловской, Ж.С. Сажинова и других ученых, в мон-

¹ Доржиев Д. Д. Старобурятский язык. – Улан-Удэ, 1992. – С. 221.

гольских языках категория числа базируется на противопоставлении двух грамматических форм – единственного и множественного числа. Вместе с тем Ц.Б. Цыдендамбаев, В.И. Рассадин, С.М. Трофимова, Д.Ш. Харанутова отрицают существование данной категории, они считают, что существует лишь категория множественности и что эта категория является единственным средством выражения категории множественности [Трофимова 2002].

Фактические материалы показывают, что в монгольских языках существует категория множественного числа. В бурятских летописях категория множественного числа представлена посредством ряда показателей: *-s, -d, -ud / -üd, -nud / -nüd, -nar / -ner, -tan / -ten*, некоторых единичных показателей: *-lid, -mad, -siyul*; что касается единственного числа, то оно, как и в бурятском языке, формально совпадает с основой, являясь по содержанию категорией единственного числа, выраженной нулевой формой. Для языка бурятских летописей характерно употребление двойных показателей множественности: *sayin gegsen moris-ud-iyar* ‘лучших коней’ и др. В текстах летописей представлены все форманты множественности, имеющиеся в классическом монгольском языке, а также ряд дополнительных показателей множественного числа.

4.1.2. Падежные показатели. Категория падежа достаточно полно разработана в трудах монголоведов [Бобровников 1849, Санжеев 1953, Цыдендамбаев 1979, Орловская 1961]. Падежные суффиксы, как правило, пишутся отдельно от слова, но в летописных текстах иногда наблюдается их слитное написание. В языке бурятских летописей зафиксированы девять падежей: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, местный, исходный, орудный, соединительный, совместный.

Именительный падеж не оформлен. Во многих словах форма этого падежа и основа слова совпадают. Однако, имея внешнее сходство, по существу они представляют разные категории [Санжеев 1953]. Основа, внешне совпадающая с этим падежом, выступает в предлодении как определение или как обстоятельство. В языке бурятских летописей именительный падеж совпадает по форме с полной основой слова.

В текстах бурятских летописей имена в позиции подлежащего часто сопровождаются особыми показателями: 1) *inu, anu*, считающимися формами родительного падежа от омертвелых основ личных местоимений 3-го лица обоих чисел: **i-* ‘он’, **a-* ‘она’, например, *nere inu ese medegdebei* ‘их имена неизвестны’; 2) *bolbasu* – форма условного деепричастия от основы глагола *bol-* ‘стать, быть’; 3) *kemekü* ‘именовать, называть’, например, *ner-e anu alung-yuva kemekü böhtige* ‘её звали Алун-гоа’; 4) *gegci* – однократное причастие от основы глагола *ge-* ‘говорить, сказать’.

В классическом монгольском языке подлежащее может сопровождаться показателями исходного и орудного падежей. В летописях факты маркировки подлежащего исходным падежом не обнаружены. Употребление же подлежащего в форме имени в орудном падеже – довольно частое явление в бурятских летописях.

Родительный падеж в языке бурятских летописей имеет показатели: *-yin* после гласных, *-u / -ü* после согласного *n*, *-un / -ün* после всех других согласных, например, *tendeki bede-yin kemekü ulus-nar-ača* ‘у тамошнего народа бэдэ’, *kümün-ü küjügün degere* ‘на шен людей’, *eb-ün taraytat jökiyoju* ‘составили мирный трактат’. В родительном падеже употребляется полная основа, но изредка наблюдаются отступления: *arisu-yin ürtüsüd* вм. *arisun-u ürtüsüd* ‘лоскутья шкуры’.

Винительный падеж оформляется посредством показателей *-i* после основ с любым согласным, *-yi* – после основ с любым конечным гласным: *olan youl-i yatalju* ‘переправился через множество рек’; *yisügei bayatur-un köbegün temüjin-i öber-ün dumda qayan kemen* ‘возвели Темуджина, сына Есугей батура, ханом в своей среде’; *mongyul-dur nom-un suryuli-yi anurlıysan kemekü* ‘основал впервые в Монголии школы’. В тексте летописей показатель *-i* иногда употребляется после основ с конечным гласным, при этом добавляется соединительный *-n*: *tegünü segül-dü küi-ni dengbil tayıša bolju* ‘после него тайшей стал его сын Дембил’. Иногда этот форматив встречается без соединительного согласного *-n*: *obuy-a bumqa-a-i roos misioniir blan-a-nar bohun <...> yal-dur sitayaysan-ıyar* ‘русские миссионеры и другие предали сожжению обо и бумханы’.

Дательно-местный падеж, имеет показатели *-dur / -dir* после основ с конечными согласными *n*, *ng*, *l*, *m* и любыми гласными; *-tur / -tür* – после основ с конечными согласными (за исключением перечисленных выше), например, *qoyar yar-un aliyan-dur kürdün-ü jıruı-tai* ‘изображение молитвенного колеса на ладонях обеих рук’, *yisügei bayatur-tur <...> nigen köbegün tö-rügsen-i temüjin kemen neridbei* ‘родившегося у Исугей батура сына назвали Темуджином’, *aıy-a yebropro qoyar yajar-tur degürin aldarsiju* ‘слава о нем прогремела повсюду в Азии и Европе’, *yurban yum-i mongyul-un kelen-dür orsiyulbai* ‘перевел на монгольский язык все три Юма’. Наряду с ними встречаются еще форманты *-du / -dü*, *-tu / -tü*, *-da / -de*, *-ta / -te*: *bayıyal kemekü nayur-un emün-e tala-du* ‘на южном берегу озера Байкал’, *nırçüü-giin youl-un barayun eteged-tü* ‘на правой стороне реки Нерчи’. В бурятских летописях довольно часто употребляются и показатели *-dur / -tur*.

Местный падеж, отсутствующий в разговорном бурятском языке, имеет показатель *-a / -e*, образуется от некоторых именных основ с конечным согласным *n*, *r* и дифтонгом: *časutu töbed orun-a ireju* ‘прибыл в страну снегов Тибет’, *toyon tümer qayan 1333 on-du begejin qotun-a qayan boluyad* ‘Тогон Тэмур хан воссел императором в Пекине в 1333 году’, *quwangdai-tu kemekü yajar-a toytuju* ‘обосновались в местности Хуандайту’. Местный падеж довольно широко употребляется в бурятских летописных текстах.

Орудный падеж оформляется посредством показателей *-bar / -ber* после основ с конечными гласными, *-iyar / -iyer* – после основ с конечными согласными: *qartaγana-bar kümün kiǰü* ‘сделали из растения хартагана фигуры людей’; *celengge youl-un adaγ-iyar* ‘по устью реки Селенги’; *γar köliin quryad amu yalaxud-un metü: toor-iyar barildaysan* ‘пальцы рук и ног как у гуся, соединенные между собой перепонкой’; *degedü privitilstaba-yin üyeledberi-ber* ‘по решению высших властей’; *eyüli-yin 14 edüre 1799 on-a 4166 toyatu ögtügsen čayaǰa-bar* ‘указом № 4166, данным 14 июля 1799 года’. Особенностью употребления этого падежа в летописи является то, что он довольно часто заменяет именительный падеж *aqalaxçi blam-a arvang püngsüg-iin nasun-ača nög-čigsen-ü qoyina: tere ǰay-a-giin ber bandida mqambuva blam-a-du batuhγadabai*: ‘После кончины главного ламы Агвана Пунцукта тот Заяев был утверждён в должности пандита хамбо ламы’.

Соединительный падеж, отсутствующий в современном бурятском языке, имеет показатель *-lurγa / -lüge*. Как известно, наряду с ним употребляется и показатель совместного падежа разговорного языка *-tai / -tei*. Совместный падеж в классическом монгольском языке под влиянием халхаского диалекта постепенно вытеснил собою соединительный падеж [Саңжеев 1953]. В летописных памятниках бурят форматив соединительного падежа употребляется довольно часто, например: *qayan tüsimel-lüge ǰolyuǰü* ‘встретился с императором и сановниками’, *1712 on-du 150 blam-a-nar ireǰü celengge-yin ba qori-yin ǰon-lurγ-a neyileǰü* ‘В 1712 году прибыли 150 лам и соединились с селенгинским и хоринским народом’ и др. Доминирующим является показатель *-tai / -tei*: *aqamad-un batulaly-a-tai dacang busu tula* ‘поскользнулся этот дацан не был утверждён властями’ и др.

Исходный падеж имеет показатели *-ača / -eče*, присоединяющихся к основам с любым конечным согласным и гласным, например, *dačang-ud-ača* ‘из дацанов’, *angqan-ača* ‘издавна’, *qayan-ača* ‘от хана’, *köbegüd-eče* ‘от сыновей’, *biden-eče* ‘от нас’, *ǰüg-eče* ‘со стороны’.

В текстах летописей употребляются двойные падежи. Первым их компонентом выступает родительный или совместный падеж, а вторым – винительный, орудный или соединительный падежи. В текстах встречаются следующие случаи употребления двойных падежных форм: 1) совместного и винительного падежей: *qarayul-tai-yi* ‘с караульными’, *keiked-tei-yi* ‘с детьми’, *ǰebčeg-üd-tei-yi* ‘с орудиями’; 2) родительного и орудного падежей: *ǰodba dorǰi-yin-iyar* ‘Зодбо Доржиевым’; 3) совместного и исходного падежей: *negüdel-tei-eče* ‘из-за кочевий’. Спорадически наблюдается употребление одного падежа вместо другого, например, *11 ǰüyl-iin küdöge poloǰiin-i ǰokiyohayǰu aburyad* ‘заставил со-

ставить степное уложение в 11 пунктах'. В разговорном бурятском языке *ǰüil* звучало бы более естественно в совместном падеже, нежели в родительном: *11 зүйлтэй худөөгэй уложени* 'степное уложение в 11 пунктах'.

Отмечается, что парадигма склонения имен классического языка в основе своей соблюдалась бурятскими летописцами. Имеющиеся в летописях отклонения рассматриваются как следствие влияния разговорной стихии халха-монгольского и бурятского языков.

4.2. Глагольные формы. В языке старописьменных текстов употребляется более 40 глагольных форм: повелительно-желательные, изъявительные, причастия и деепричастия, залоговые и видовые образования. Эти формы не имеют существенных отличий от соответствующих форм классического монгольского языка. От форм разговорного бурятского языка они отличаются лишь звуковым оформлением суффиксов.

4.2.1. Повелительно-желательные и изъявительные формы. Формы повелительно-желательного наклонения часто употребляются в разговорном языке и художественном стиле, но в таком жанре, как летопись встречаются реже по сравнению с другими глагольными формами. В бурятских летописных текстах часто употребляется повелительно-желательная форма с суффиксом *-tuɣai / -tügei*, когда передается воля высокопоставленных лиц: *obesüsüd-ün törügsen nitü busatuɣaini kemegsen-iyer* 'поскольку было сказано, чтобы они вернулись в свои родные кочевья'.

4.2.2. Причастия. В языке бурятских летописей представлены различные формы причастий: 1) форма причастия будущего времени с суффиксами *-qu / -kü, -qui / -küi*; 2) форма причастия прошедшего времени с суффиксом *-ɣsan / -gsen*; 3) форма причастия настоящего времени с суффиксом *-ɣa / -ge*; 4) форма многократного причастия с суффиксом *-day / -deg*; 5) форма однократного причастия (по существу – многократное) с суффиксом *-ɣči / -gči: qamuy-i ayiladuyči*. Причастия настоящего времени с суффиксом *-ɣa / -ge* в наших текстах употреблены только в отрицательной форме с частицами *edüi, ügei* 'нет, не, не-': *delgerege-ügei* 'не распространилось', *sonusquy-a-edüi* 'не оповестили' и т.д.

Глагольность причастий проявляется в том, что они имеют категории залога, вида и времени. Причастия, как правило, с вспомогательными глаголами выступают в качестве простых и составных глагольных сказуемых или финитных форм: *böge anu uridu metü kürgegedkü yosutai* 'шамана полагается провожать так же, как было описано раньше', *tere qori-yin stipnuü düme-dü iriged: obuy-a bumqan abqayulaysan ba: tere ilegegdeggen dobiürnuü-yin učiра mördülge kigsen amui*: 'произвел следствие относительно снятия обо и бумханов, а также тех посланных доверенных'.

Причастия склоняются так же, как имена существительные. Яркой особенностью языка бурятских летописей является то, что в них активно

употребляются падежные формы причастий, главным образом, для связи и распространения ССК. Используются все падежные формы причастий.

Выражая наряду с глагольными признаками и именные признаки, причастия в исходных формах могут употребляться как определение и подлежащее: *angqan-u yurban ribiiĵe-dü biĵigdegsen anu ĉoqum medegdenem-ügei böged* 'То, записанное в первые три ревизии, неизвестно'.

4.2.3. Деепричастия. В текстах бурятских летописей употреблены следующие деепричастные формы:

1) соединительное деепричастие с аффиксом *-ĵu / -ĵü* (после гласных и согласного *l*: *arṣaĵu* 'надев', *asaraĵu* 'принеся', *ayulĵaĵu* 'встретившись', *aldarsiĵu* 'прославившись' и др.; с аффиксом *-ĉu / -ĉü* (после согласных *b, d, r*): *ayiladĉu* 'соизволяя', *abĉu* 'взяв', *yarĉu* 'выйдя' и др.; с аффиксом *-ĵi*: *batulaydaĵi* 'утвердив', *bayiriĵiĵi* 'обосновавшись', *tusalajĵi* 'помогая' и др.;

2) слитное деепричастие с аффиксом *-n*: *baĵalan* 'заставив', *buriĵudan* 'убежав', *daqarulan* 'увлекая, ведя за собой', *qabsurĵan* 'присоединяя' и др.;

3) разделительное деепричастие с аффиксом *-ĵad / -ged*: *aldarsiĵad* 'прославившись', *yarĵad* 'выйдя', *oluĵad* 'найдя' и др.;

4) продолжительное деепричастие с аффиксом *-ṣayar / -gseger*: *baiṣayar* 'продолжая быть', *dabayṣayar* 'переваливая', *dayun yarṣayar* 'издавая крики' и др.;

5) предельное деепричастие с аффиксом *-tala / -tele*: *bögetele* 'пока есть', *bayitala* 'пока есть', *degüürtele* 'пока не наполнится', *önggürtele* 'пока не пройдет', *kürtele* 'пока не достигнет' и др.;

6) предварительное деепричастие с аффиксом *-maĵa / -megĉe*: *busalamajĉa* 'как только вскипел', *dütülemegĉe* 'как только подошел', *degüürgemegĉe* 'как только закончил' и др.;

7) уступительное с аффиксом *-baĉu / -beĉü*: *bayibaĉu* 'хотя и (есть) существует', *bolbaĉu* 'даже если и стал' и др.;

8) условное с аффиксом *-basu / -besü*: *ayiladqabasu* 'если соизволит', *kemebesü* 'если скажет' и др.

Такие конвербиальные формы как целевая, «цитатная» (приготовительная), а также условная II с аффиксом *-qula / -küle*, условная III с аффиксом *-bala / -bele* в бурятских летописях не отмечены.

Следует отметить, что деепричастные формы обладают высокой частотностью употребления в текстах бурятских хроник. Они образуют различные деепричастные обороты, или зависимые предикативные единицы (ЗПЕ), которые логически связаны между собой и образуют одно целое – сложные синтаксические комплексы (ССК).

4.2.4. Вспомогательные глаголы и их эволюция. В старописьменном монгольском языке формы архаичных глаголов *a-*, *bö-* 'быть' с давних пор

употребляются в качестве вспомогательных глаголов. Отмечено, что в современном бурятском языке некоторые из этих форм превратились в частицы. Спорадически встречаются в качестве вспомогательных глаголов отдельные формы глаголов *bol-* ‘становиться’, *ki-* ‘делать, производить’, *keme-* ‘именовать, называть’, *ge-* ‘сказать, называть’. Р различные формы архаичных вспомогательных глаголов **a-*, **bö-* (*aγad, aγsan, aqai, amui, bui, bölüge*) бытуют в современном литературном языке в виде предикативных частиц (*hэн, aad, ха, юм, биш, болоо, бэлэй*).

4.3. Служебные слова (союзы, послелог, частицы). В текстах бурятских летописей употреблены следующие союзы: присоединительные (*ba, böged, kiged, bolun*), разделительные (*buyu, yu, esebesü*), условные (*bögesü, ker-bey-e*). Например, *tegün-eče γaγca ökin törügsen böged ner-e anu alung-γova ketekü bölüge* ‘от нее родилась одна дочь, и звали ее Алун гуа’. Из разговорного бурятского языка изредка употребляются противительные союзы *ǰiger, aγad* и некоторые союзные слова. Кроме того, в текстах употребляются следующие послелоги: *inadu, inaγsi* ‘по эту сторону’, *kürtele* ‘до’, *selte* ‘с, вместе с’, *tus* ‘относительно’, *činadu, činaγsi* ‘по эту сторону’, *emün-e* ‘перед’, *qoyordumdu* ‘между’, *dergede* ‘возле; при, у’, *metü* ‘подобно’, *ögede* ‘вверх; на’, *tula, tulada* ‘для, за’, *tuqai* ‘около, о, об’, *qoyina* ‘после, сзади, за’, *ildar-a* ‘при случае, во время, попутно’, *γадна* ‘кроме’, *deger-e* ‘над, на’, *qamtu* ‘совместно с, с’ и др.

Встречаются разговорные формы бурятского языка: *tursi / tursi-dur* ‘в течение’, *urida* ‘перед, до’, *qoyisi* ‘после’, *tusiγ-a* ‘о, про’, *siqam* ‘почти, примерно’, *tedüi* ‘около’, *teγisi* ‘в направлении к’, *γарун* ‘свыше, более, после’. Отмечено, что в летописях употреблены все частицы отрицания, употребляемые в классическом монгольском языке, кроме частицы *bitegei*. Анализ служебных слов в текстах бурятских летописей показал, что состав и употребление не только знаменательных, но и служебных частей речи в языке летописей совпадает с таковыми классического монгольского языка.

4.4. Архаичные лексико-морфологические элементы. В языке бурятских летописей выделяется большой пласт архаичных глаголов. К устаревшим словам относим ряд стилистически окрашенных глаголов, относящихся к высокому почтительному стилю: (стп.-монг.) *soγurqaqu* ‘соизволить, разрешить, пожаловать’, (лит. бур.) *соёрхол* (уст.) ‘соизволение, позволение, разрешение’; (стп.-монг.) *orüsiyekü* ‘помиловать, благоволить, милостиво относиться’, (лит. бур.) *γршөөх* ‘благоволить, милостиво относиться’, (монг.) *γршөөх* ‘помиловать, пощадить, оказать милость, прощать’; (стп.-монг.) *anjraqu* ‘узнавать, знать, обращать внимание’, *anjralta* ‘усмотрение’, (прич. ф.) *anjraγulγaγsan* > (лит. бур.) *анжарха* ‘замечать, видеть, примечать, понимать; помнить’; (стп.-монг.) *ayilatqaqu* ‘докладывать, доложить, довести до сведе-

ния, донести’, (бур., уст.) *айладхаха* ‘доводить до сведения, докладывать (уважаемому лицу), рапортовать’, причем, фразеологически связанное – *амары айладхаха* ‘посылать приветствие, почтительно приветствовать’; (стп.-монг.) *бараялqaqu* ‘представляться, являться на аудиенцию’, в современном бурятском языке данный глагол в форме *бараалхаха* ‘быть на приеме, получать аудиенцию’ также относится к словам высокого стиля; (стп.-монг.) *debsigülekü* ‘возвышать, повышать, поднимать вверх; подносить, представлять’.

В текстах использованы архаичные наречия: *γaγcaγara* ‘единый, одинокий, в одиночестве’, (бур. барг.) *гагсаараа*, ср. (лит. бур.) ‘*ганса, гансаараа*’; *edüge* ‘ныне, теперь’, ср. (лит. бур.) *мүнөө* ‘ныне, теперь’: *edüge kírtele* ‘доньне’, ср. (лит. бур.) *мүнөө хүрэтэр* id.; *čínagsi* ‘далее, дальше, туда’, ср. (лит. бур.) *сааша* id.; местоимение *öber* ‘лично сам; особо, иначе, кроме’, ср. (лит. бур.) *өөрөө* id.; *niǰged* ‘по-одному’ (разделительное числительное от *nigen* ‘один’), ср. (бур. эхир.-бул.) *нэжээд* id; *kerkiǰü* ‘как, каким образом’, ср. (лит. бур.) *хэр, хайшан гээд* id.

Рассмотренные в бурятских летописях архаичные лексические единицы с точки зрения современного бурятского языка, их функционирования в активной лексике, представляют собой: 1) лексические архаизмы: *уатин* (министерство, управлени), *ǰakírǰüci* (*даагша, эрхилэгшэ* или *управляюуци, заведуюуци*) ‘руководитель’, *kerget* (*нэрэ зэрэ*) ‘звание’, *motur* (*гар*) ‘рука’, *pünglü* (*салин, пенси*) ‘зарплата, пенсия’, *büsüörelten* (*ондоо яһатан*) ‘люди иной национальности’, *бараялqaqu* (*уулзаха*) ‘встречаться’, *siba* (*тэмдэг*) ‘знак, метка в виде обоо, сложенного из аргала, на месте, выбранном для перекочевки’ и др.; 2) семантические архаизмы: *taγalal* ‘любовь, воля, желание, удовольствие, приятность; мнение, мысль’ > (лит. бур.) *тагаалал* ‘кончина’ (вежливая, почтительная форма); 3) лексико-фонетические архаизмы: *kírtele* (*хүрэтэр*) ‘до’, *čínagsi* (*сааша*) ‘далее, дальше’, *γaγcaγara* (*гансаараа*) ‘только один, в одиночестве’ и др.

В бурятских хрониках наблюдается большой пласт историзмов, касающихся делопроизводства и культового обслуживания. Эти слова вышли из активного употребления в связи с исчезновением конкретных реалий объективной действительности, которые они обозначали. Выявлена достаточно большая группа терминов, относящихся к деловому стилю. К лексико-семантической группе (ЛСГ) «Делопроизводство» относятся следующие слова: 1) термины, обозначающие должностные лица: *galavnü rodunačilnüy pridsidatil* ‘главный родоначалник-председатель’, *diputad* ‘депутат’, *ineker ilegedegen* ‘действительный полномочный’, *itigemǰitü tüsimes* ‘доверенные сановники’, *titüliürnü sobiitnü* ‘титулярный советник’, *misioniür-nud* ‘миссионеры’ и др. 2) канцеляризмы, обозначающие присутственные места: *ayuyin galavnü inorodnui uprava* ‘главная агинская инородная управа’ и др.; 3) имена и титулы

царских властей: *tede yeke degedü ejin imperaturica nigedüger yekaterina qatun qayan* 'Ее величество государыня императрица Екатерина I', *aqalaxçı tayiša / yalavnuı tayiša* 'главный тайша', *did tayiša* 'заместитель тайши' и др.

ЛСГ «Религия» включает в себя религиозную лексику, относящуюся к буддизму: названия степеней и санов лам, служителей дацана (тибетские заимствования).

К историзмам также следует отнести названия должностных лиц, титулы высокопоставленных особ, а также слова, связанные с административным управлением, заимствованные из китайского, маньчжурского языков. Данные заимствования проникли в монгольские языки, в т. ч. и в бурятский, в период экспансии маньчжуров в Центральную Азию (1616-1694): *tayiji* 'княжич, наследник князя или хана, (бур.) *тайюжа* 'князь, дворянин' < кит. *tài-zì* 'наследник престола, царевич'; *daiyiqing tayiji* 'старший сын князя', (бур.) *дайхун тайюжа* id. < кит. *dà quáng tài zì* 'великий цесаревич' [Дондокова 2004]; *tayiša* 'родовой правитель, председатель Степной думы', (бур.) *тайшаа* id. < кит. *tài shī* 'великий учитель; почетный титул, жалуемый первостепенным вельможам'; *yamin* 'официальное учреждение, присутственное место', (бур.) *яман* 'министерство' < кит. *yā mēn* 'приказ, присутствие'; *janggi* 'невысокий феодальный чин, введенный в период маньчжурского господства', (бур.) *занги* 'предводитель рода' < маньч. *jangin* 'начальник, штаб-офицер, командир полка или рода, начальник отдела министерства, (бур.) *шүүлнэгэ* id. – титул маньчжурского происхождения (шуленгой в феодальный период в Халхе называли сборщика податей); *jasayul* 'управитель, урядник', (бур.) *зайуул* 'есаул'; *jayisang* 'управитель отока, родовой глава', (бур.) *зайсан / зайхан* 'младший административный чин в дореволюционной Бурятии' – древний титул, известный со времен Юаньской империи (*зайсаны* стояли во главе отока, иногда улуса, в качестве наследственных владений) < кит. *zài xiàng* 'канцлер, великий визирь' [Баскаков 1987].

Таким образом, парадигма склонения имен и изменения глаголов классического монгольского языка выдерживаются авторами бурятских летописных текстов. В большинстве случаев сложные правила правописания классического монгольского языка ими соблюдаются. Имеющиеся отклонения рассматриваются как влияние разговорного бурятского языка.

Глава V «Синтаксические особенности бурятских летописей» посвящена рассмотрению старомонгольской синтаксической конструкции, большей, чем предложение, которая доминирует в синтаксисе бурятских летописей.

В параграфе 5.1. «Сложный синтаксический комплекс как основная единица синтаксиса бурятских летописей» показывается, что синтаксиче-

ские конструкции летописей состоят из аналогов тесно взаимосвязанных законченных предложений, образующих особую синтаксико-стилистическую единицу – сложное синтаксическое целое (ССЦ) или сверхфразовое единство (СФЕ). Синтаксические конструкции бурятских летописей более близки к СФЕ или ССЦ ввиду того, что они состоят из множества распространенных частей, которые при их расщеплении и соответствующем оформлении могут составить несколько тесно связанных самостоятельных предложений. Существует целый ряд синонимов для выражения этого понятия, но все они имеют одно инвариантное значение – единица, более крупная, чем предложение, в которой само предложение выступает в качестве конституэнта. Более употребительны в частотном плане термины СФЕ и ССЦ. В бурятском языкознании для выражения понятия СФЕ употребляется термин ‘*үгүүлэл*’ < (стп. монг.) ‘изречение, сказание’. Однако безоговорочно признать старомонгольские конструкции СФЕ или ССЦ не представляется возможным, т. к. эти конструкции состоят не из самостоятельных законченных предложений, а из зависимых предикативных единиц с одним финитным сказуемым, которое придает им формальную завершенность. Подобные полипредикативные конструкции названы **сложными синтаксическими комплексами (ССК)** с монофинитным синтаксическим механизмом построения. Текст же представляет собой объединение нескольких простых и сложных предложений. Такие отрезки объединяют слова и предложения тематически.

При изучении текста существенны такие характеристики автора, как мировоззрение, теоретический и практический опыт. Необходимо учитывать и особенности получателя информации – адресата, реципиента с его социальным положением, мировоззрением, видом трудовой и общественной деятельности, с образованием. В связи с этим исследователи оперируют понятием пресуппозиции. При исследовании текстов бурятских летописей в этом плане вырисовывается следующая картина. Летописи относятся к историческим сочинениям, которые составляли один из важнейших жанров бурятской дореволюционной светской письменной литературы. Составителями летописей, кроме устного народного творчества, личных наблюдений или услышанных от старых людей, широко использованы документальные материалы бурятских канцелярий и личных архивов тайшей, хамбо-лам, архивные документы бурятских дацанов, а также материалы монгольских летописей, в частности “*Erdeni-yin tobči*” Саган Сэцэна и анонимной летописи “*Алтан Тобчи*”, изданной Галсан Гомбоевым в 1858 г.

Особенно положительное влияние на них оказали традиции русской исторической науки. Это проявилось в том, что, восприняв форму и композицию монгольских летописей, бурятские авторы стали делать ссылки на сообщаемые ими факты, указывая дату и номер документов. Многие

из летописей по своему содержанию, исполнению и композиции не стали укладываться в понятия «летопись» или «хроника», а представляют историко-этнографические очерки, разделенные на главы по тематическому, а не хронологическому принципу. С точки зрения коммуникативной задачи эти летописи относятся к классу информирующих текстов с элементами активизирующих текстов, в частности, к текстам научно-популярного характера, знакомящих читателя со знаниями, добытыми путем исследования и анализа, отчасти путем прагматических умозаключений. В бурятских текстах доминирует фактуальная информация, лишь иногда присутствует концептуальная информация.

Бурятские летописцы историю бурятского народа излагают в свете тех событий, которые действительно имели место в истории, поэтому бурятские летописи представляют собой ценные источники знаний по истории Бурятии. В целом же, в языке бурятских летописей доминирует реалистический аспект. Тема «История бурят» является семантической базой текста бурятских летописей, которая деагрегируется на следующие подтемы: 1) происхождение бурят, 2) вероисповедование, 3) управление, 4) землевладение, 5) нравы, 6) образ жизни, 7) официальная служба. Каждая подтема состоит из семантически более конкретных элементов – субподтем. Процесс раскрытия данной темы представлен в виде иерархии подтем и субподтем, появление которых дополняет, насыщает тему текста, позволяет более полно раскрыть ее. В качестве основного признака иерархии выделяются самостоятельность и соподчиненность отдельных подтем текста.

Смысловая целостность текста, тесная органичная взаимосвязь его семантических компонентов (подтем) обеспечивает восприятие темы как единого целого. Тема реализуется в виде разворачивания подтем текста, которые представляют собой динамику субподтем. Каждая субподтема в синтаксическом плане оформлена в виде ССК – единства, состоящего из множества компонентов – зависимых предикативных единиц, с финитным сказуемым. Такое единство рассматривается как единица сверхфразового уровня. Эти речевые построения выражают взаимосвязанные языковые явления действительности на ярусе более высоком, чем суждение. О. А. Нечаева считает единицы сверхфразового уровня особыми функционально-смысловыми типами речи, этими типами речи являются описание, повествование и рассуждение¹. Сложные синтаксические комплексы бурятских летописей по своей конкретной структуре отличаются от сверхфразовых единств, изучаемых русистами, но по своему содержанию в языковой организации они относятся именно к этому классу явлений.

¹ Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). – Улан-Удэ, 1974. – С. 3.

По функциональному признаку ССК бурятских летописей принадлежат, в основном, к повествовательному типу. Например, *teyin bayitala: tede yeke degedü ejin imperatur nigedüger ilaysangdur qayan ber: arad amitan-i angqaran örsi-yejü: tedeger-iyen eldeb buduy ba içirgene ning qalayun taqul-nud-aça arsilaqu-yin tulada: 1808 on-du qori-yin medel-ün jon doturaça: 19 böged uqayan ba sidal-tai niyur-nud-i sungyayulan: tedeger-ün ros emči-ner liikar-nud-un suryayulin-a abçu: abural-tu üker çeçeg tariqu-yin tula suryayad: teden-dur sang-aça salin ögçü: teden-ü alba pobinosti eldeb egeljiyen-nüd-i künggülejü: jon doturaça moris-ud-i unaju sayad-ügei yabuqu-yin uluyan-u jakirulta-nudı qayiralan: jon-dur yabuyulaju: abural-tu üker-ün çeçeg-i čimdayulan tariyulaysan-iyar uriduni boluduy buduy-a taqul anu joysoju: arad ber tegün-eče ayuqu-ügei amurayad: tedeger çeçeg tariyčid anu: abural-tu üker çeçeg-üd-ün üsinig kemen nerelegdedeg bui: [ЛХБ 1935, с. 154-155]. 'Тем временем его величество государь император Александр I оказал внимание и милосердие к людям и приказал в 1808 году, в целях охранения их от оспы и различных сыпей, горячек и поветрий, выбрать из среды хоринского народа 19 умных и способных лиц и, приняв их в русские лекарские школы, обучать их производству предохранительных прививок коровьей оспы, дать им казенное содержание, освободить их от повинностей и соблюдения всяких казенных нарядов. Он соизволил издать распоряжение насчет подвод на предмет беспрепятственного передвижения их верхом на конях, (которые предоставлялись бы им народом), послал их к народу и приказал производить предохранительные прививки коровьей оспы, благодаря чему прежде появившиеся эпидемии оспы приостановились, народ перестал их бояться, и получил покой. Что же касается тех, прививающих оспу, то они называются оспопрививательными учениками' [ЛХБ 1940, с. 85].*

Этот ССК представляет собой довольно подробное информационное повествование, т. к. в нем сообщается о расчлененных, хронологически последовательных действиях или состояниях одного и того же или нескольких субъектов в данной конкретной обстановке в пределах одной микротемы («Оспопрививание»). Этот состоит из 4 блоков, в первом подлежащее – *ilaysangdur qayan*, во втором – *taqul anu*, в третьем – *arad ber*, в четвертом – *čeçeg tariyčid anu*. Опустив несущественные второстепенные члены, ССК можно трансформировать в ряд самостоятельных предложений, связанных по смыслу: *nigedüger ilaysangdur qayan ber üker-ün çeçeg-i čimdayulan tariyulabai (tegün-eče) buduy-a taqul anu joysobai. arad anu amurabai. tedeger çeçeg tariyčid anu üsinig kemen nerelegdedeg bui*. 'Император Александр I в спешном порядке заставил производить предохранительные прививки коровьей оспы. (Благодаря чему) эпидемии оспы приостановились. Народ получил покой. Те люди, которые прививали оспу, называются оспопрививательными учениками'.

Трансформация свидетельствует о том, что инфинитные формы в этих блоках функционируют в роли финитных форм. Таковыми здесь являются: *tariyulaysan-iyar* (прич. прош. вр. в орудн. пад.), *ᠵoᠣsoᠵu* (соединит, дееприч.), *amurayad* (раздел. дееприч.). Эти формы, функционируя в роли сказуемых, не зависят от конечного сказуемого *nerelegdedeg bui*. В отличие от них инфинитные формы внутри этих блоков зависят от субъекта и сказуемого этих блоков. Например, к субъекту *ilaysangdui* относятся *örsiyеᠵü* (соед. деепр.), *arsilaqu-yin tulada* (буд. прич. в род. п. с предлогом *tulada*), *abču* (соед. деепр), *surayad* (разделит. дееприч.), *ögčü* (соед. деепр), *künggülejü* (соед. дееприч.), *qayiralan* (слит. деепр.), *yabuᠵulaᠵu* (соед. деепр.). Все они, по традиционной терминологии, образуют простые деепричастные и причастные обороты. Следует отметить, что сказуемые блоков выполняют функцию связи между блоками.

Все 4 блока, хотя их предикаты и не являются конечными формами, соответствуют по структуре и содержанию простым предложениям. 2 и 3 блоки описывают действия, которые предшествуют результату, представленному в 1 блоке, то между ними и 1-м блоком можно усмотреть причинно-следственное отношение. Так, 1, 2, 3-й блоки условно представляют собой сложную полипредикативную конструкцию, в которой 1-я часть является зависимой, а 2, 3 части – главными. Конечный предикат ССК выражен многократным причастием в форме страдательного залога *nerelegdedeg* с глагольной связкой *bui*, являющейся формой причастия настоящего времени вспомогательного глагола *bö-* 'быть'.

ССК имеет общий связующий элемент – *teyin bayitala* 'тем временем'. В качестве когезивных элементов выступают формы указательных местоимений: *tegün-eče* (3 блок), *tedeger* (4 блок). Кроме повествований встречаются описания и, реже, рассуждения, а также контаминированные функционально-смысловые типы речи.

В параграфе 5.2. «Структура сложного синтаксического комплекса (ССК), модели ССК» рассмотрены структура и модели ССК. Дан подробный анализ одного из распространенных в текстах бурятских летописей ССК [ЛХБ 1935, с. 110-111].

Комплекс делится на две части в зависимости от грамматических основ. Выделяются 2 грамматические основы односоставных глагольных предложений: 1) *tabiqu, tükiyerekiü, ᠵalbariqu, yuyuqu*; 2) *kürgedeg yosutai bui*. Эти предложения осложнены многочисленными деепричастными оборотами и придаточными в виде прямой речи, поэтому они в то же время являются сложными предложениями. Эти две части соединены между собой бессоюзной связью. В придаточной части в форме прямой речи имеются однородные члены, выраженные причастиями будущего

времени на *-qu /-kü (üskekü, sayuqu-yin tulada)*, причем последнее причастие оформлено родительным падежом с послелогом *tulada* 'для, ради, из-за'; придаточное предложение «*aru-yin 13 noyad-i qatum keüqed-tei kibe bide*» завершено изъявительной формой настоящего-прошедшего времени на *-ba / -be* с личным местоимением *kibe bide* 'мы' (ср. бур. *хэбэбди*). Придаточные предложения соединены с последующими деепричастными оборотами дицендиальным глаголом *kemen*.

В большинстве деепричастных оборотов ведущими являются соединительные деепричастия, лишь изредка – разделительные. В морфологическом плане обращает на себя внимание оформление винительного падежа в форме полной основы: *mal adayusun-i olan bolju üskekü, degesün-i, olan toyon-i quriyan*, что чередуется с винительным падежом в неполной основе с аффиксом: *böge-yi, adayusu-yi, miq-a-yi*. Каждый деепричастный оборот с зависимыми частями осмысливается как самостоятельное предложение, что позволяет этот ССК рассматривать как сверхфразовое единство.

Новосибирские языковеды ввели понятие полипредикативной конструкции (ППК) в бурятском языке [Скрибник 1980]. Главный структурный, конституирующий компонент ППК – это сказуемое зависимой части. Ядро всей системы сложного предложения в монгольских языках составляет подсистема синтаксических конструкций. Именные глагольные формы выступают в роли сказуемых в управляемых и некоторых других зависимых предикативных единицах (ЗПЕ). В роли определения и сказуемого определительной ЗПЕ выступает собственно причастие. Присоединение послелога позволяет существенно расширить диапазон временных отношений, выражаемых падежными показателями.

Зависимый инфинитный предикат не способен организовать простое автономное предложение. Деепричастия (с притяжением) в функции зависимых предикатов сохраняют важнейший признак собственно глаголов: они способны не только вступать в сочетание с субстантивной или прономинальной формой, представляющей субъект данного действия, но и спрягаться, т.е. передавать грамматическое лицо и число субъекта.

В бурятском языке субъект зависимой предикативной единицы с инфинитным сказуемым более или менее регулярно принимает форму родительного падежа. При этом зависимый предикат выступает в деепричастной, причастно-падежной и причастно-послеложной формах. Неопределенный падеж субъекта характерен лишь для некоторых деепричастных зависимых предикативных единиц. Вхождение конечной формы, чаще глагольной, делает любое предложение – простое, монопредикативное предложение или полипредикативное, сложное – законченным. В сложных предложениях кроме конечного сказуемого, есть ещё одно или несколько конечных сказуемых. В этой

функции используются деепричастия, восходящие к причастно-падежным формам. Возглавлять блоки ССК могут инфинитные формы глагола – деепричастные, причастно-падежные, причастно-послеложные формы. В роли инфинитных сказуемых используются всего около 15 деепричастных форм, около 10 причастных форм, многие из которых выступают в сказуемой функции с падежными показателями или служебными словами.

Итак, блоки – это моносубъектные конструкции с единым для всех частей подлежащим. Есть конструкции с собственным подлежащим. Внутри блоков в ППК представлены все 3 типа конструкций: синтетические, аналитико-синтетические и аналитические. Первые два типа конструкций – ведущие. Отличия от СП состоят в следующем: сложное предложение – это, особая синтаксическая форма, предназначенная выражать отношения между двумя событиями, представленными её предикативными составляющими. В ССК эти последние могут быть равноправными, не зависеть друг от друга.

ССК приобретает формально законченный характер лишь с вхождением конечных форм. В отличие от СП в нем есть предикативные блоки, со своими подлежащими, как правило, в прямом или орудном падежах, сказуемыми, в роли которых выступают нефинитные формы, не зависящие от конечного сказуемого. Поскольку свойство быть законченным предложением синтаксическая конструкция обретает только тогда, когда завершается финитной формой, блоки ССК старопоисменного монгольского языка нельзя называть простыми или сложными предложениями в истинном смысле слова. Блоки формально лишены свойства финитности. Предикативные единицы с таким сказуемым конструктивно не самостоятельны, поэтому они называются с добавлением слова «квази»: *квазипростое предложение, квазисложное предложение*. Слово «квази» подчеркивает неподлинность, ущербность этих предложений. Вместе с тем ППК как единица языка – бинарная структура, бином; «многочленность» характерна для речевых построений, к которым относятся и тексты бурятских летописей. Таким образом, ССК или периоды, являющиеся смысловым и структурным элементом текстов бурятских летописей, представляют собой полипредикативные конструкции с зависимыми предикативными единицами и монофинитным механизмом построения.

Основные признаки ССК как синтаксической единицы, отличающие его от других синтаксических единиц: 1) ССК состоит из предикативных единиц или их контекстуальных эквивалентов, не способных к самостоятельному функционированию, но при опоре на контекст всего ССК, имеющие свой модально-временной план; 2) Блоки ССК соединены в его составе по определенной схеме; структурные модели ССК различны; 3) ССК, подобно простому предложению, представляет статическую структуру, функционирующую в качестве одной коммуникативной единицы.

В летописных текстах средством когезии выступают местоимения, аналитические скрепы от местоименно-указательных глаголов, аффиксы лично-го и субъектного притяжания, которые структурируют текст на макроуровне, обеспечивая связи между отдельными текстовыми блоками и тем самым, маркируя разрыв тематической прогрессии, границы блоков и переходы между ними. В качестве элементов когезии, соединяющих ССК в цепь последовательных повествовательных и описательных сообщений, выступают местоимения и местоименные слова близкого (*ene* 'этот', *ende* 'здесь' *egünu* 'его, её') и дальнего (*tere* 'тот, он, она, оно', *tegün-ü* 'его, её, того', *tede* 'они, их', *tedeger* 'они, те') указания, которые являются генеральным средством когезии между ССК в летописных текстах и типологически универсальным языковым средством связи. Также когезивными средствами выступают причастия и деепричастия с аффиксами личного и субъектного притяжания, которые связывают между собой инфинитные единицы внутри ССК и представляют собой уникальные языковые средства когезии в старописьменных текстах бурят. Указанные элементы когезии располагаются в абсолютном начале ССК, образуя динамичный континуум текста

В составе ССК насчитывается до 10 и более предикативных звеньев. Общее количество инфинитных предикатов достигает нескольких десятков. В качестве инфинитных сказуемых выступают соединительное, слитное, разделительное деепричастия, причастия прошедшего времени, будущего времени, прилагательные, а также различные аналитические формы.

В функции финитных сказуемых выступают причастия прошедшего времени, многократные причастия, более активно в частотном плане употребляются глагольные формы настояще-будущего времени (*-müi / -müi*, *-nam / -nem*), формы настояще-прошедшего времени неожиданного действия (*-jüqui / -jükiü*). Причастия прошедшего времени и многократные причастия, как правило, сопровождаются предикативными частицами: *aĵ*, *aγsan*, *amüi*, *büi*, *böliġe*, *bolumüi*, *bolai*, которые являются различными формами архаичных вспомогательных глаголов **a*- и **bö*- 'быть'.

Таким образом, ССК бурятских летописей можно рассматривать как аналоги современных СФЕ, поскольку предикативные блоки компонентов легко трансформируются на ряд простых предложений. В современном бурятском языке данные ССК бытуют как ряд простых или сложных предложений, соединенных между собой союзами *харин* 'однако, но, а только', *теэд* 'но, однако же, и все же, впрочем', *зүгөөр* 'но, однако же'.

В **Заключении** отмечается, что бурятские летописные тексты, сохранившие архаичные формы монгольской летописной традиции и вобравшие новые формы традиции русской исторической науки, содержат мощный заряд национальной памяти о своей истории. В них получили подробное освещение история, традиционная культура и другие стороны жизни бурят дореволюционной эпохи.

Основу словаря данных летописей составляют слова, унаследованные из общемонгольского лексического фонда. Широко и детализированно представлены шаманские, буддийские, юридические и канцелярские термины, а также лексические единицы, относящиеся к управлению, быту и хозяйству. Тексты содержат и богатый ономастический материал. Обзор общей лексики бурятских летописей показывает, что многие из отмеченных терминов присутствуют только бурятскому языку. Наблюдается большой пласт русских заимствований, калькированных слов и выражений (*üsiniḡ* 'ученик', *diputat* 'депутат', *ḡeneral-porušiy* 'генерал-поручик', *tituliirmi sobiidniy* 'титulyарный советник', *somohulyu* 'снаряжение, обеспечение', *tere öndür erkim-i debčegülegči* 'его высокопревосходительство'). Наличие русизмов является одной из главных лексических особенностей бурятских летописей. В языке исторических хроник отражены проявления стихии разговорной речи (*qaril qaltaril-ügei* 'неотступные и непоколебимые', *iligen qar-a qabčaqai* 'печеночно-черные скалы'), фольклорные элементы (легенды, исторические песни о Шилдэй-занги, мифической прародине хори-бурят Наян-Набаа, строки из шаманских призываний).

В настоящее время перестройка всех структур культурной, социально-политической жизни обусловили кардинальные изменения, среди которых – процессы лексической деархаизации и возвращения в активный речевой обиход некоторых устаревших слов. Лексика, некогда вышедшая из употребления и возвращенная в наше время, в основном, относится к тематическим группам «Социальное устройство, идеология», «Религия, верования».

Лексическая деархаизация отличается от употребления архаизмов в современных текстах тем, что вернувшееся в употребление слово (*губернатор, губернии, дума, хурал, гулваа*) достаточно быстро теряет экспрессивную окраску и временную отмеченность, хотя обозначает похожую, но другую реалию. Реалия попадает в иную культурную ситуацию, а слово – в новый контекст.

Обзор морфологических форм имен и глаголов показывает, что парадигма склонения имен и изменения глаголов в своей основе соблюдена авторами в соответствии с правилами классического монгольского языка. Архаичные грамматические формы (некоторые показатели числа, падежные аффиксы, глагольные формы, служебные слова) вышли из употребления в современном литературном бурятском языке. Различные формы архаичных вспомогательных глаголов **a-*, **bö-* (*aysan, ayad, aqui, amui, bui, bölüge*) бытуют в современном литературном языке в виде предикативных частиц (*hэн, аад, ха, юм, биш, болоо, бэлэй*).

Характерной особенностью синтаксиса бурятских хроник является наличие в них длинных конструкций, больших, чем сложное предложение. Синтаксические конструкции бурятских летописей более близки к СФЕ

или ССЦ ввиду того, что они состоят из множества распространенных частей, которые при их расщеплении и соответствующем оформлении могут составить несколько самостоятельных предложений. Данные конструкции состоят не из самостоятельных законченных предложений, как в СФЕ или ССЦ, а из зависимых предикативных единиц; завершенность всей конструкции придает финитное сказуемое. Подобные полипредикативные конструкции названы «**сложными синтаксическими комплексами**» (ССК), тем самым, отличая их от СФЕ или ССЦ. В работе проведен анализ структуры ССК, которая чрезвычайно разнохарактерна и вариативна, что свидетельствует о том, что это не столько языковые модели, сколько речевые образования. Компоненты ССК связываются между собой не только логически, семантически, но и формально. В результате исследования выявлено, что генеральными средствами когезии в старомонгольских текстах выступают местоимения (типологически универсальное языковое средство связи), аналитические скрепы от местоименно-указательных глаголов, аффиксы личного и субъектного притяжания, присущие только бурятским летописным текстам (уникальные языковые средства когезии), которые структурируют текст на макроуровне, обеспечивая связи между отдельными текстовыми блоками и тем самым, маркируя разрыв тематической прогрессии, границы блоков и переходы между ними. Указанные элементы когезии располагаются в абсолютном начале ССК, образуя динамичный континуум текста. Неотъемлемым признаком бурятского летописного текста является его связность, когезия проявляется в сцеплении отдельных блоков текста между собой. В результате этого сцепления образуется формально-смысловое единство, именуемое текстом.

Основными свойствами бурятских старописьменных текстов являются связность, цельность и завершенность. Тексты включают в себе три вида информации: фактуальную, концептуальную, подтекстовую. ССК тесно связаны с типами речи: имеются ССК повествовательного, описательного вида, а иногда и ССК-рассуждения.

В итоге рассмотрения летописных памятников Бурятии XIX-нач. XX вв. можно сделать вывод о том, что характер языка данных текстов в своей основе не отошел от системы классического монгольского языка, вместе с тем имеются довольно существенные отклонения в сторону разговорного бурятского языка. Наличие летописных памятников у бурят показывает, прежде всего, высокую стадию письменной культуры, которой еще в XIX в. достигло бурятское общество Забайкалья.

Исследование языка бурятских летописей в аспекте грамматической нормы однозначно показывает об ориентации бурятских авторов на нормы старописьменного монгольского языка. Фактический материал летописных текстов XIX-нач. XX вв. свидетельствует о том, что они написа-

ны на старописьменном монгольском языке сниженной нормы, сочетающей в себе старомонгольскую основу и влияние народного языка бурят. Язык бурятских летописей представляет собой переходную гибридную форму книжного языка, сложившуюся в результате смешения письменного монгольского и разговорного бурятского языков, поскольку в то время нормы создания письменных текстов не были кодифицированы.

В целом языковой фон бурятских старописьменных текстов представляет собой промежуточный письменный вариант между классическим монгольским письменным языком и разговорной формой бурятского языка. Статус данного идиома определяется как бурятский извод старописьменного монгольского языка, который охватывал период с XVII-нач. XX вв.

Основные публикации по теме диссертации

Монографии:

1. Буярадай түүхэ бэшэгүүд – Бурятские исторические летописи / Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. – Улаан-Удэ, 1992. – 240 н. – 13, 95 п.л. / авт. 22 стр./ – 1 п.л.
2. *Бадмаева, Л. Б.* Язык бурятских летописей / Л. Б. Бадмаева. – Улаан-Удэ : Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2005. – 215 с. – 12,6 п.л.
3. *Бадмаева, Л. Б.* Летопись Вандана Юмсунова – памятник письменной культуры бурят XIX в. / Л. Б. Бадмаева. – Улаан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2007. – 394 с. – 23 п.л.
4. *Бадмаева, Л. Б.* Языковое пространство бурятского летописного текста / Л. Б. Бадмаева. – Улаан-Удэ : Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2012. – 295 с. – 17,2 п.л.

Публикации летописных текстов

5. *Востриков, А. И., Поппе Н. Н.* Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследования. / Подготовка к изданию, вступ. ст., транслитерация, комментарии Л. Б. Бадмаевой. / А. И. Востриков, Н. Н. Поппе. – Улаан-Удэ : Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2007. – 120 с. – 7 п.л. / авт. 42 стр./ – 2,3 п.л.
6. *Галзут Тубшиннима.* Вагуйчуд-ун теүкен ирелте – История происхождения баргутов (транслитерация, перевод, примечания). / Ввод. ст. и прим. Д. Д. Нимаева, Л. Б. Бадмаевой; транслит., перевод со старомонг. Л. Б. Бадмаевой, Ю. Д. Бадмаевой / Галзут Тубшиннима. – Улаан-Удэ : Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2008. – 186 с. – 11 п.л. – / авт. 72 стр./ – 3,7 п.л.
7. *Бадмаева, Л. Б.* История бурятской книги [Электронный ресурс]: справочно-библиографический CD. – Улаан-Удэ, 2009. – 2 эл.опт. диска (CD-ROM) / Д. В. Базарова, Н. Г. Лубсанова, И. Д. Хобракова, А. И. Лященко.

Учебники, учебные пособия

8. *Бадмаева, Л. Б.* Буярад эхин нургуулиин номуудые хэрэглэхэ тухай. Методическо заабаринууд / Л. Б. Бадмаева, Д. Д. Ошоров. – Улаан-Удэ : Буярадай номой хэблэл, 1990. – 120 х. – 6,97 п.л. / авт. 60 стр./ – 3,5 п.л.
9. *Бадмаева, Л. Б.* Буярад хэлэн. 1-дэхи класста үзэхэ ном / Л. Б. Бадмаева, У. Е. Мангутова. – Улаан-Удэ : Буярадай номой хэблэл, 2004. – 146 х. – 10,5 п.л. / авт. 80 стр. / – 5,5 п.л./

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК для публикации основных положений докторской диссертации:

10. *Бадмаева, Л. Б.* Летописные памятники Бурятии / Л. Б. Бадмаева // Восток (Oriens). – М., 2006. – № 2. – С. 18-27. – 1 п.л.
11. *Бадмаева, Л. Б.* Сложный синтаксический комплекс как единица текста бурятских летописей / Л. Б. Бадмаева // Вопросы филологии. – М., 2006. – № 1. – С. 108-113. – 0,5 п.л.

12. *Бадмаева, Л. Б.* Баргу-бурятские языковые связи / Л. Б. Бадмаева // Вестник Бурятского университета. Серия 6: Филология. Вып.11. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2006. – С. 29-38. – 0,7 п.л.
13. *Бадмаева, Л. Б.* Летопись Бодонгут Абидаы «*Buriyad mongyul=un tobči teike*» (Краткая история бурят-монголов) / Л. Б. Бадмаева // Восток (Oriens). – М., 2007. – № 6. – С. 22-29. – 0,5 п.л.
14. *Бадмаева, Л. Б.* Особенности языка исторического сочинения Бодонгут Абидаы «*Buriyad mongyul-un tobči teike*» / Л. Б. Бадмаева // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2007. – № 4. – С. 45-48. – 0,4 п.л.
15. *Бадмаева, Л. Б.* «С. Д. Бабуев, Ц. Ц. Бальжинмаева. *Буряад зоной урданай нуудал байдалай тайлбари толи* (Тематический толковый словарь традиционного быта бурят)». – Улан-Удэ : Изд-во «Бэлиг», 2004. – 352 с., ил. (Рецензия) / Л. Б. Бадмаева, В. Э. Раднаев // Восток (Oriens). – М.; 2007. – № 4. – С. 204-205. – 0,2 п.л.
16. *Бадмаева, Л. Б.* О синтаксических особенностях летописи Ц. Сахарова / Л. Б. Бадмаева // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск : НГУ, 2009. – № 2. – С. 144-151. – 0,5 п.л.
17. *Бадмаева, Л. Б.* Текст селенгинской летописи как лингвистический источник / Л. Б. Бадмаева // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Серия «Филология, история, востоковедение». – Чита, 2009. – № 3 (26). – С. 48-53. – 0,4 п.л.
18. *Бадмаева, Л. Б.* Бурятские летописи как источники социальной информации // (0,5 п.л.) от 13.01.2009 г. www.globecsi.ru / Articles/2008/Badmaeva2.pdf.
19. *Бадмаева, Л. Б.* Старописьменный монгольский язык и современный бурятский язык / Л. Б. Бадмаева // Гуманитарный вектор. – Чита, 2010. – № 2 (22). – С. 202-207. – 0,4 п.л.
20. *Бадмаева, Л. Б.* Бурятский летописный текст и вопросы его перевода на русский язык / Л. Б. Бадмаева // Вопросы филологии. – М., 2010. – № 2 (35). – С. 57-64. – 0,5 п.л.
21. *Бадмаева, Л. Б.* Категория притяжания как средство когезии в летописных текстах бурят / Л. Б. Бадмаева // Искусство и образование. – Уфа, 2010. – № 8. – С. 121-125. – 0,3 п.л.
22. *Бадмаева, Л. Б.* Принципы построения старомонгольского текста [текст] / Л. Б. Бадмаева // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. – Чита, 2011. – С. 27-32. – 0,4 п.л.
23. *Бадмаева, Л. Б.* Бурятские летописи как источники для изучения бурятского языка / Л. Б. Бадмаева // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. – Чита, 2012. – № 2 (43). – С. 114-119. – 0,4 п.л.
24. *Бадмаева, Л. Б.* Изучение языка письменных памятников в Бурятии / Л. Д. Шагдаров, Л. Б. Бадмаева // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. – Чита, 2012. – № 2(43). – С. 171-174. – 0,3 п.л./авт. 0,15 п.л./
- Статьи в научных сборниках и журналах**
25. *Бадмаева, Л. Б.* Формы множественного числа в языке летописи Вандана Юмсунова / Л. Б. Бадмаева // Грамматическое своеобразие бурятского языка. – Улан-Удэ, 1987. – С. 121-135. – 0,9 п.л.
26. *Бадмаева, Л. Б.* Топонимические названия в летописи Вандана Юмсунова / Л. Б. Бадмаева // Исследования по ономастике Бурятии. – Улан-Удэ, 1987. – С. 55-74. – 1 п.л.
27. *Бадмаева, Л. Б.* Лексические особенности языка летописи Вандана Юмсунова / Л. Б. Бадмаева // Лексикологические исследования монгольских языков. – Улан-Удэ, 1988. – С. 93-103. – 0,5 п.л.
28. *Бадмаева, Л. Б.* Национальная форма и национальное содержание в поэтическом переводе / Л. Б. Бадмаева, П. А. Ковалев // Вопросы социально-экономического и культурного развития общества : исторический опыт и современность : мат-лы VIII респуб. конф. молодых ученых и специалистов. – Улан-Удэ, 1989. – С. 12-14. – 0,2 п.л. – /авт. 0,1 п.л./
29. *Бадмаева, Л. Б.* Антропонимы в бурятской летописи Вандана Юмсунова / Л. Б. Бадмаева // Исследования по ономастике Прибайкалья. – Улан-Удэ, 1990. – С. 83-89. – 0,4 п.л.
30. *Бадмаева, Л. Б.* Сложный синтаксический комплекс в языке бурятской летописи В. Юмсунова / Л. Б. Бадмаева // Исследования по синтаксису монгольских языков. – Улан-Удэ, 1990. – С. 37-50. – 1 п.л.

31. *Бадмаева, Л. Б.* Семантическая характеристика деловой лексики бурятских летописей / Л. Б. Бадмаева // Язык. Образование. Культура. – Улан-Удэ, 1999. – С. 138-142. – 0,3 п.л.
32. *Бадмаева, Л. Б.* Структура текста анонимной хоринской летописи / Л. Б. Бадмаева // Актуальные проблемы бурятского языка, литературы, истории (к 10-летию кафедры бурятской филологии ИГУ). – Иркутск, 2000а. – С. 7-9. – 0,4 п.л.
33. *Бадмаева, Л. Б.* О специфических синтаксических конструкциях бурятских летописей / Л. Б. Бадмаева // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Язык. Фольклор. Литература. – Улан-Удэ, 2000б. – С. 17-21. – 0,4 п.л.
34. *Бадмаева, Л. Б.* Англо-бурятский словарь (8 тыс. слов) [CD-ROM] / Л. Б. Бадмаева, Н. О. Балсунаева, Ц. О. Балсунаев // Словарь 225 языков мира Грегга Кокса. – М. : ЗАО Изд-во «Импрессум» А & А, 2000в.
35. *Бадмаева, Л. Б.* О летописании хоринских бурят / Л. Б. Бадмаева // Народы Бурятии в составе России: от противостояния к согласию (300 лет Указу Петра I). Ч. 1. – Улан-Удэ, 2001. – С. 54-62. – 0,5 п.л.
36. *Бадмаева, Л. Б.* Бурятские летописи как источники по истории буддизма в Бурятии / Л. Б. Бадмаева // Иволгинский дацан : история, современность и перспектива. – Верхняя Иволга, 2002. – С. 112-114. – 0,3 п.л.
37. *Badmayeva, L. B.* Qori buriyad-un teüke biçilge-yin tuqai / L. B. Badmayeva // Mongyol kele udq-a jokiyal. – Huhhot, China, 2003. – № 4. – P. 65-74. – 1 п.л.
38. *Бадмаева, Л. Б.* Современное состояние монгольских языков северо-восточного ареала Центральной Азии / Л. Б. Бадмаева // ALTAICA. III. – Улаанбаатар, 2004. – X. 116-124. – 0,5 п.л.
39. *Бадмаева, Л. Б.* «Сокровенное сказание монголов» и его переводы на бурятский язык / Л. Б. Бадмаева // «Монголын нууц товчоо» зохиолын гадаад орчуулга. – Улаанбаатар, 2006а. – С. 93-102. – 0,5 п.л.
40. *Бадмаева, Л. Б.* Языковые контакты монгольских народов северо-восточного ареала Центральной Азии / Л. Б. Бадмаева // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. – М. : Наука, 2006б. – Т. 2. – С. 41-50. – 1 п.л.
41. *Бадмаева, Л. Б.* Языковые параллели баргутов и бурят (на материале экспедиционных исследований) / Л. Б. Бадмаева // Диаспоры в контексте современных этнокультурных и этносоциальных процессов. – Улан-Удэ, 2006в. – С. 99-108. – 0,5 п.л.
42. *Бадмаева, Л. Б.* Фольклорные мотивы в бурятских летописях / Л. Б. Бадмаева // Мир фольклора в контексте истории и культуры монгольских народов : мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию Н. О. Шаракшиновой. – Иркутск : ИГУ, 2006г. – С. 276-280. – 0,4 п.л.
43. *Badmayeva, L. B.* Baryu bolun buriyad-un uysayan-u qariçay-a / L. B. Badmayeva // Külün Buyir degedü suryayüli: Erdem šinjilegen-ü setkül. – Külün Buyir, China, 2007. – № 1. – P. 19-22. – 0,3 п.л.
44. *Бадмаева, Л. Б.* Летописи Ц. Сахарова как письменные памятники бурят / Л. Б. Бадмаева // Диаспоры в современном мире : мат-лы Междунар. Круглого стола. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2007. – С. 148-156. – 0,4 п.л.
45. *Бадмаева, Л. Б.* Хорин буряадуудай түүхэ бэшээшэ Вандан Юмсунуо тухай / Л. Б. Бадмаева // Буряад хэлэнэй шухала асуудалнууд. – Улаан-Удэ : Буряадай эрдэмэй түбэй хэблэл, 2007. – С. 32-37. – 0,3 п.л.
46. *Бадмаева, Л. Б.* Новое в истории изучения летописного наследия бурят / Л. Б. Бадмаева // История и культура народов Центральной Азии: наследие и современность. Часть 1. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008а. – С. 68-74. – 0,5 п.л.
47. *Бадмаева, Л. Б.* Историко-культурный пласт лексики бурятского языка по письменным источникам / Л. Б. Бадмаева // «Баяртуевские чтения - 1. Мир бурятских традиций в контексте истории и современности». – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2008б. – С. 11-15. – 0,5 п.л.
48. *Бадмаева, Л. Б.* Летопись Д-Ж. Ломбоцэрэнова как памятник письменной культуры бурят / Л. Б. Бадмаева // Традиционная система управления кочевых сообществ Южной Сибири. – Улан-Удэ, 2008в. – С. 123-127. – 0,4 п.л.

49. *Бадмаева, Л. Б.* Летопись Бодонгут Абиды как памятник книжной культуры бурят / Л. Б. Бадмаева // Книжная культура Байкальского региона : сб. статей / Отв. ред. Р. И. Шеничкинова, З. Д. Дамбинова, Р. Б. Ажеева и др. – Улан-Удэ : Изд.-полиграф. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ ВСГАКИ, 2008д. – С. 10-14. – 0,4 п.л.
50. *Бадмаева, Л. Б.* Вклад Н. Н. Поппе в исследование письменных памятников бурят / Л. Б. Бадмаева // Гомбожаб Цыбиков – выдающийся ученый и путешественник. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008е. – С. 138-145. – 0,4 п.л.
51. *Бадмаева, Л. Б.* Бурятские летописи как памятники письменной культуры бурят / Л. Б. Бадмаева // Языковая картина мира Байкальского региона. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2009а. – С. 77-84. – 0,4 п.л.
52. *Бадмаева, Л. Б.* Летопись селенгинских бурят как лингвистический источник / Л. Б. Бадмаева // Историческая лингвистика. Алтанстика. Тюркология : мат. междунар. конф., Москва, 4-7 июня 2009 г. – М., 2009б. – С. 92-96. – 0,3 п.л.
53. *Бадмаева, Л. Б.* Особенности синтаксиса баргузинской летописи Ц. Сахарова / Л. Б. Бадмаева // Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия : сб. трудов Междунар. конф., Улан-Удэ, 9-13 сентября 2009 г. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009в. – С. 233-240. – 0,4 п.л.
54. *Бадмаева, Л. Б.* Буддийская лексика в письменных памятниках бурят / Л. Б. Бадмаева // Бурятский язык : исторические судьбы и современность. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2009г. – С. 51-61. – 0,7 п.л.
55. *Бадмаева, Л. Б.* Роль старомонгольской письменности в развитии современного бурятского языка / Л. Б. Бадмаева // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона : мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 80-летию создания тувинской письменности, Кызыл, 1-4 июля 2010 г. – Абакан : Хакасское книжное изд-во, 2010а. – С. 57-61. – 0,4 п.л.
56. *Бадмаева, Л. Б.* Заимствования в языке текста Бодонгут Абиды «Buriyad tongyuul-un tobči teüke» / Л. Б. Бадмаева // Этническая история и культурно-бытовые традиции народов Байкальского региона. – Иркутск : Изд-во «Отгис», 2010б. – С. 179-186. – 0,5 п.л.
57. *Бадмаева, Л. Б.* Особенности текстовой организации бурятских летописных текстов / Л. Б. Бадмаева, Л. Д. Шагдаров // Языки и письменные источники монгольских народов : мат. Междунар. науч. конф., Улан-Удэ, 14-18 июля 2010 г. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010в. – С. 99-106. – 0,5 п.л. – / авт. 0,25 п.л.
58. *Бадмаева, Л. Б.* Текст как объект анализа в современной лингвистике / Л. Б. Бадмаева // Актуальные проблемы бурятской филологии и культуры: мат-лы регион. науч.-практ. конф., Иркутск, 23 апреля 2010 г. – Иркутск : Изд-во Иркут.гос.ун-та, 2010г. – С. 21-27. – 0,4 п.л.
59. *Бадмаева, Л. Б.* Бурятские летописи как памятники истории языка / Л. Б. Бадмаева // Глобализация и монгольский мир : Сб. статей по мат. Междунар. науч. конф., проведенной 15-18 июля 2010 г. – Улан-Удэ : 2011а. – С. 272-275. – 0, 4 п.л.
60. *Бадмаева, Л.Б.* Влияние старописьменного монгольского языка на сложение литературного бурятского языка / Л. Б. Бадмаева // Динамика языковой ситуации в монгольском мире : мат. междунар.научно-метод. семинара, Улан-Удэ, 21-22 октября 2010 г. – Улан-Удэ, 2011. – С. 61-65. – 0,5 п.л.
61. *Бадмаева, Л.Б.* Структура сложных синтаксических комплексов бурятских летописей / Л. Б. Бадмаева // Актуальные проблемы монгольского языкознания. Вып. 4. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011б. – С. 76-87. – 0,7 п.л.
62. *Badmaeva, L.B.* The Buryat Chronicles as a Cultural Heritage of Nomads / L.B. Badmaeva // The International Conference on “Cultural Diversity of Nomads” 6th-7th August, 2011, Ulaanbaatar. – Ulaanbaatar, 2011в. – P. 47-50. – 0,3 п.л.
63. *Бадмаева, Л.Б.* Сложные синтаксические комплексы бурятских летописных текстов / Л.Б. Бадмаева // Илтгэлүүдийн товчлол Summaries of Congress: Mongolia's External Relationship & Experiences : The 10-th International Congress of Mongolists on August 9-13, 2011 in Ulaanbaatar. – Ulaanbaatar, 2011. – С. 24-26. – 0,2 п.л.

Подписано в печать 29.03.2012 г. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Объем 2,5 печ. л. Тираж 120. Заказ № 52.

Отпечатано в типографии Изд-ва Федерального государственного
бюджетного учреждения науки БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ ул. Сахьяновой, 6.